

ТЮМЕНЬ Литературная

Славься, торжественный миг!

День наступающий славен.

Он, словно гений, возник,
Радостью Пушкину равен.
Густо снегами одет,
По-богатырски спокоен.
Родина. Радость. Рассвет.
Русское утро какое!

Николай Денисов

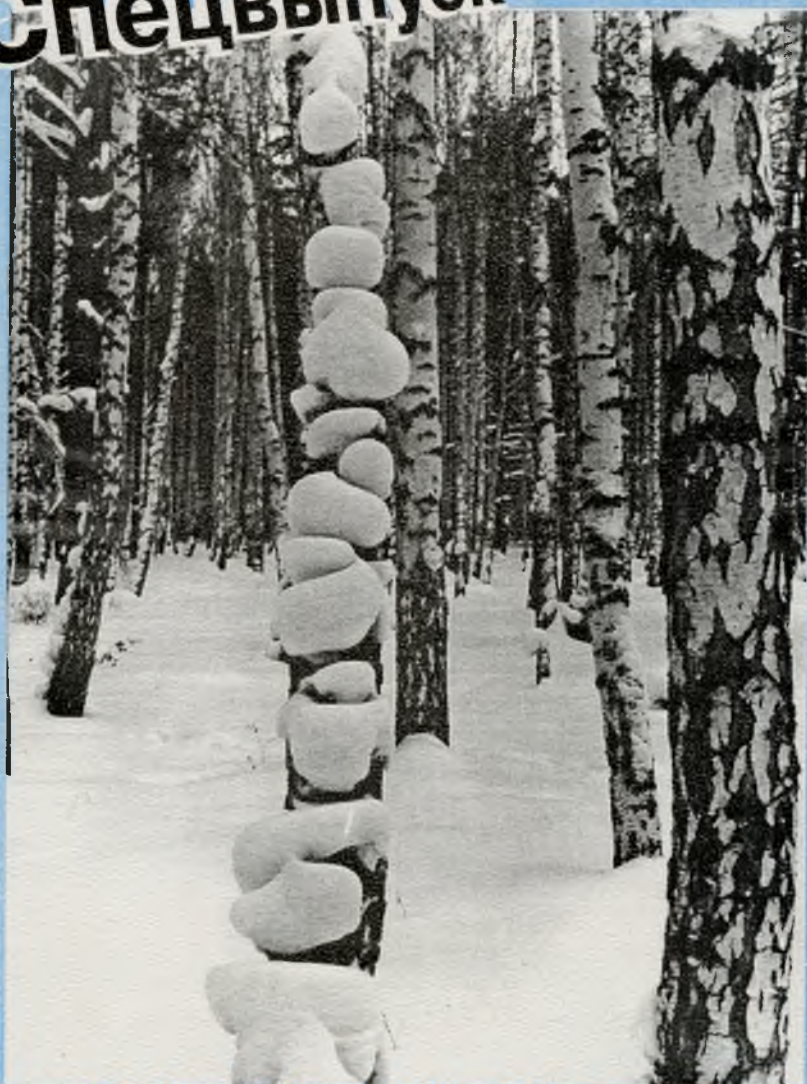
Газета писателей России и Русского Зарубежья

RUSSIA № 2 (76) 2003 г. TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

Спецвыпуск

Снег ноября на малой родине

ТЮМЕНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

ТЮМЕНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

РНАЯ

ТЮМЕНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

*Поэту Николаю Денисову
— 9 ноября 2003 года —
60 лет*

Предисловие

Так вот, пишущий эти строки (парафраза дает возможность лишний раз избежать личного местоимения), так вот, пишущий это предисловие, вынужден констатировать, что он "злоупотребил должностным положением". Весь сегодняшний — уменьшенный, правда, в объеме номер "Тюмени литературной", напечатанные в нем материалы, так или иначе "крутятся" вокруг личности главного редактора: поэта, прозаика, публициста.

Вот такой расклад, друзья-читатели!

Да и, по правде сказать, данный номер "ТЛ" — это просто юбилейный буклет.

А поскольку виновник этого буклета связан с "Тюменью литературной" со дня ее основания, с первого номера, вышедшего (смотрите на обложку!) еще в 1972 году,

то, извиняюсь, где еще высказаться по сему случаю — "в жизни раз бывает..." — пишущему эти строки, а также друзьям-единомышленникам, просто добрым, внимательным читателям нашим?!

Конечно... Дай Бог, как говорится, если при содействии тюменских властных структур, при моей им благодарности, выйдет в свет в этом году моя новая книжка прозы — документально-художественное повествование "На закате солончаки багряные". Вот в этой книжке более подробный рассказ о временах, в которые довелось родиться мне, о детстве, о близких мне людях малой родины — южной лесостепной Тюменщины, о Пришимье, о земле Бердюжской, о моем селе Окунёве. Да и о времени сегодняшнем. Как его понимаю.

По всему раскладу выходит: родиться-то мне на свет белый довелось по случайности, что ль. Если б, вдруг... Отец мой, красноармеец-сибиряк гв. 875-го стрелкового полка, призванный на Великую Отечественную войну осенью сорок первого года, сражался на Южном фронте. Всего несколько месяцев: под Воронежем, Таганрогом, Ростовом-на-Дону. Правда, в эту пору довелось ему отбить у немцев на короткое время Ростов-на-Дону. А уж без него потом наши покатались, отступая, к Сталинграду, к Волге. Двадцать пятого февраля сорок второго фашистская разрывная пуля ударила чуть ниже плеча — в правую руку. Отвоевался боец единственной в полку роты автоматчиков. После госпиталя, в бинтах, с рукой на шейной помочи-перевязи, в полусожженной шинелишке, явился наш бат, Василий Ермилович, домой. К матери нашей Екатерине Николаевне, к сыновьям — подростку Григорию, шестилетнему Саше...

Опять — работа, работа. Для фронта, для Победы!

Она придет еще не скоро. Так вот, когда войска генерала Ватутина освободили — взяли к годовщине Октября столицу русских городов Киев, в сибирском селе Окунёве и появился на свет — пишущий эти строки.

Сколько помню из детства, в красный этот день, у нас во дворах всегда кололи свиней: крепкие уж приспели морозы! А в том, сорок третьем, в праздник Октября, рассказывают мне старшие братья, во дворе нашем пал под ножом старый козел. Большой надобности лишаться этой полезной животины не было. С козла чесали пух, мама вязала пуховые шали на продажу, а это было подспорьем в голодное военное время. Но тут не было уж никакого выхода! Козел этот привезен был из Бессарабии то ль "вакуированным", то ль сосланным в Окунёво при раскулачивании, владельцем паровой мельницы и винного шинка — Хаимом Фаичем Шустером. Куплен был у Шустера. А к ноябрю сорок третьего настолько обнаглел, озверел, что не давал никому проходу! Разбежался и бил рогами всех подряд: животину и человека. Бафомет какой-то! (Нынешний, 2003-й год, тоже год козла. Не того ль самого — Бафомета?!).

Вот такая история с географией!

Ну а потом жизнь пошла, как и у всех мальчишек и девчонок моего поколения, малочисленно появившихся на свет в пору войны. Всего в жизни мы добивались сами. Не было никаких "мохнатых рук". И Советская власть нам помогала. И нет у меня никакого повода, быть ей неблагодарным.

Меня иногда спрашивают: счастлив я в жизни своей? Скажу так: абсолютного, безбрежного счастья не бывает. Но так уж получилось, что я всегда занимался тем делом, которое было по душе, по сути моей. Работал на земле, служил в ВМФ, учился в вузе, походил по морям-океанам, посмотрел мир. Встречал и терял друзей, любимых. Писал книги: отражение и моей биографии, и моего поколения, времени нашего.

Нередко, особенно в последние полтора десятка лет, было и горько и тяжело. Тяжело Родине, тяжело и по-эту. Отбиваясь от нападков недругов Отечества, сражался словом, вспоминал порой и земляков села, друзей детства, которые могли б помочь. Помните, Сергей Есенин воскликнул в горькую для него минуту:

*Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня!*

Кроме редко уцелевших друзей детства, есть друзья во многих весях России, за рубежом. Недавно вот, на выход в свет моей книги избранных стихотворений и поэм "Заветная страна", получил телеграфную весточку следующего содержания: "Пускай она не каждому дана и тем жива, не каждому дается, но в каждом русском сердце отзовется, как Китежград, "Заветная страна". С уважением Николай Астафьев, Валентина Царева".

Это откликнулись друзья из Питера — Ленинграда.

Другие берут слово на последующих страницах этого номера "Тюмени литературной" — авторского буклета.

Николай Денисов.

Пройдя время и земли...

Стихи Николая Денисова зазвучали в конце 60-х, начале 70-х годов. (Сочинял он, как многие стихотворцы, с ранних детских лет!). А в ту пору — послушать стихи! — рабочие и студенческие аудитории набивались до отказа. Живое слово поэта было востребовано временем. На Тюменщине, родине нашей, Недели поэзии, затем Дни литературы переросли во Всесоюзные праздники литературы, культуры. Со всех краев необъятной нашей Родины, из дружественных зарубежных стран, съезжались к нам писатели, поэты, драматурги, критики, журналисты. Мастера слова. И над всем — царил дух Поэзии. Читатель и Писатель были рядом. Всем хватало места под Солнцем.

На могучей Оби, на Иртыше, в юных «нефтяных городах», в таежных поселках, в Ямальской тундре, в лесостепных весях юга Тюменщины кипела работа — шло становление мощного нефтегазового комплекса страны — Советского Союза.

«Застой»? Это придумки «перестройщиков», недругов страны.

А тогда — в кипучей буче — шло и развитие литературы в нашем крае. Создавал злободневные романы Константин Лагунов, северные очерки, рассказы писали Геннадий Сазонов, Людмила Славолюбова, Евгений Шерман. Зазвучали стихи и поэмы Владимира Нечволоды, Галины Слинкиной, Аллы Кузнецовой, Микуля Шульгина, возвысился самобытный голос Ювана Шесталова. Творил бессмертные сказы Иван Ермаков; по всей стране шли пьесы Зота Тоболкина.

В гущу дел, открытий вошел со своими «деревенскими» стихами и Николай Денисов, обновив их «темой севера». Поездки «на севера» стали и для Н. Денисова делом привычным. Время требовало от поэта — быть на острие событий. А стихи о малой родине по-прежнему не отпускали:

*В родных полях, где мир и тишина,
Где даже гром грохочет с неохотой,
Лежит моя крестьянская страна
Со всей своей нелегкою заботой.*

Лирический герой его стихов не произносит клятвы верности родной земле. Они не нужны, ибо сердце поэта само источник сыновней нежности и преданности:

*Спит деревня. Ветер ладит вожжи.
Лишь едва доносится до слуха,
Как луна плывет по бездорожью
И скрипит уключинами глухо.*

На встречах с читателями, — сколько их было, не счесть! — и в узком кругу друзей-поэтов Николая просили: «Давай про деревню».

*Ночью над крышами вывездит,
Заиндевают дымы.
Вот и прожил я безвыездно
Двадцать четыре зимы.*

*.....
А под еловыми лапами
Прятался белый мороз.
Там, под снегами, оплакано
Время мальчишеских грез.*

Позднее поэт отредактирует эти строки:

*Там, под еловыми лапами,
Спали снега до весны.
Белой метелью оплаканы
Чистые детские сны.*

Работа над словом была и остается для Николая Денисова систематическим и перво-степенным занятием. Он шлифует грани строф, придавая им неповторимость. Ту, что делает стихотворца Мастером. Гармонии стиха, единству формы и содержания поэт придает исключительное значение.

«Своеобразной поэтической Меккой, — вспоминает Николай Васильевич, — был для нас, начинающих поэтов (Николая Денисова, Нины Ющенко, Владимира Нечволоды), город Ишим, литобъединение при городской газете «Ишимская правда».

Ишим. Юг Тюменщины. На старинных улочках Ишима гулял ветер лесостепей, носился сказочный образ ершовского Конька-Горбунка, звучала поэзия ушедших веков. То пад-дал беззвучный снег, то жарко светило ласковое солнышко...

Именно здесь, в среде литераторов, ставших потом профессиональными — в разных уголках страны, формировались художественные пристрастия поэта, его творческое кредо: служить Истине и Красоте.

*«В этом мире глупцов, подлецов, торгашей»,
Может быть, красота лишь спасает поэта.*

И влечет этот образ прекрасного мира — за пределы малой родины. Романтическая душа жаждет новых открытий, мужества, приключений. Упорно добывается он от властей — кругосветного плавания. «Хождение за три моря» для Николая Денисова — матросом, корабельным коком, механиком — получилось неоднократным. В сборнике избранных стихов и поэм «Заветная страна», удостоенного в 2002 году Всероссийской премии им. Мамина-Сибиряка, есть стихотворный раздел «Полмира за бортом».

Неведомые страны и континенты, яркие встречи, шторма и циклоны приносят массу впечатлений и поэтических образов. Но вместе с тем ярче оттеняют главное в лирике поэта — высокое чувство патриотизма.

*Все дальше уносят меня бригаантины —
В заморские страны. А в мыслях я там,
Где белая выюга гудит до рассвета,
Где тихо мерцает селенье одно,
Где столько тепла и живого привета,
Что, вроде бы, лучше и быть не должно...*

Открыв однажды для себя свою заветную страну, Николай Денисов, пройдя время и земли, остается верен ей. Имя этой страны — Родина, Россия, Тюменский край.

**Нина Свяженина,
лауреат премии Ивана Ермакова.**

г. Ишим.

Николай Денисов,
г. Ишим, конец 60-х

Книги Н. Денисова

"Проводы". Сборник стихов. Тюмень, 1970 г. Сборник фактически стал дипломной работой в Литературном институте им. А. М. Горького.

"Праздник осени". Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство. Стихи. 1974 г.

"Снега Самотлора". Стихи, поэма. Москва, изд-во "Современник", 1975 г. За сборник присуждена премия Тюменского комсомола им. П. П. Ершова. Автор по рекомендации Всесоюзного содействия молодых писателей принят в члены Союза писателей СССР.

"Разговор". Стихотворения. Свердловск, 1978 г.

"Корабелы". Исторические страницы о тюменских судостроителях. Свердловск, 1979 г.

"Вчера было детство". Повесть, рассказы. Москва, изд-во "Современник", 1980 г.

"Ночные гости". Стихотворения. Москва, изд-во "Советский писатель", 1982 г.

"Сон в полуденный зной". Повесть, рассказы. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1987 г.

"Арктический экзамен". Повести. Москва, изд-во "Современник", 1988 г. За книгу присуждена литературная премия имени Ивана Ермакова.

"Штормовая погода". Стихотворения. Москва, изд-во "Молодая гвардия", серия "Восхождение", 1989 г.

"Стихотворения". Москва, кооперативное изд-во. Однотомник. 1993 г.

"Пожароопасный период". Повесть, рассказы, г. Шадринск, изд-во ПО "Исеть", 1993 г.

"Поступок". Новые стихи. Тюмень, 1994 г.

"Стезя". Стихотворения, поэмы. Однотомник. Шадринск, изд-во ПО "Исеть", 1997 г.

"Страницы разных широт". Путевые очерки, зарисовки, эссе. Шадринск, изд-во ПО "Исеть", 1998 г.

"В конце века". Новые стихи. Шадринск, ПО "Исеть", 1999 г.

"Опасный груз". Стихотворения, поэмы. Шадринск, изд-во ПО "Исеть", 2001 г.

"Заветная страна". Избранные стихи, поэмы. Екатеринбург, изд-во "Банк культурной информации". Серия "Поэзия Каменного пояса", 2002 г.

За книгу присуждена Всероссийская премия Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Публикации в журналах: "Наш современник", "Новый мир", "Москва", "Октябрь", "Молодая гвардия", "Советский воин", "Пограничник", "Старшина-сержант", "Урал", "Сибирские огни", "Уральский следопыт", "Морской флот", "Подъем", "Всеславянский собор", "Эринтур", "Врата Сибири", "Дружба" (Болгария), "Кадетская переключка" (США), "Бюллетень" (Венесуэла) и др.; в коллективных сборниках, альманахах.

В январе 1986 года за общественную и литературную деятельность земляки удостоили Н. В. Денисова званием Почетного гражданина Бердюжского района Тюменской области.

Родители мои — Екатерина Николаевна и Василий Ермилович Денисовы

ВЕЧЕРЕЕТ

*Дом крестьянский с ладной
русской печкой,
С крепким квасом в темном погребке.
Вот отец выходит на крыльечко
С инструментом плотницким в руке.
— Как делишки? — спросит. —
Все в порядке?
Видно, будет дождичек. Пора!..
Спит пила, завернутая в тряпку,
И сияют щеки топора.
Вот и мать, она вернулась с луга,
В складках платья свежий запах трав.
Отдохнув, косу относит в угол,
Под косынку волосы прибрал.
Вот во двор выходят друг за другом,
Луч закатный плечи золотит.
В тишине на целую округу
Умывальник весело звенит.*

1966

ОБЛАКА

*В этом доме простом и прекрасном,
В синих окнах, дрожащих слегка,
Как и прежде, под солнышком ясным
Проплывают мои облака.
Проплывают родную окрестность,
Машут веслами мимо ворот.
Отыщу ли надежное средство,
Чтоб продлить их медлительный ход?
Вот скользят на озёрную пристань,
Вот в темнеющий омут глядят.
И предчувствием осени мгlistой
Над моей головою летят.
Принимаю их путь безмятежный,
Понимаю их грустный привет.
И над полем, над озимью свежей,
Долго вижу их тающий след.*

1973

* * *

*Я уезжал. В окне цвела герань,
Сырая осень жалась к подворотне.
И сладко так от крепких жарких бань
По всей округе плыл дымок субботний.*

*Автобус дождался у плетня.
И день стучал в наличники резные.
Совала трёшки добрая родня —
Зеленые бумажки трудовые.*

*Я денег тех тогда не отстранял,
Я принимал их честными руками.
Мой трактор возле кузницы стоял,
Дыша еще горячими боками.*

*И вот Москва! Взволнован неспроста:
Вокруг дома, как в облака ступеньки!
Наверное, здесь эта красота
И от моей сибирской деревеньки!*

1963

* * *

*Среди полей, где мир и тишина,
Где даже гром грохочет с неохотой,
Лежит моя крестьянская страна
Со всей своей нелегкою заботой.*

*Там ждут апреля ранние цветы,
На теплой зорьке лопаются почки.
И мать хлопочет утром у плиты
В такой домашней ситцевой сорочке.*

*И так светлы в заснеженную стынью
Ушедших лет сомненья и печали:
Там деревенька с именем простым —
В других краях о ней и не слышали.*

*И по ночам всё тот же свет в окне.
И люди в каждый светлый праздник мая,
Быть может, вспоминают обо мне,
Когда застолью песни не хватает.*

1968

Поэзия естества и мужества

Слово о юбиляре

В наши дни у многих честных русских людей сжимается от боли и горя сердце при мысли о многострадальной Матушке-России, о судьбе униженного и ограбленного народа чужими и своими мародерами. Плач и стоны раздаются из края в край!

Демократы и предатели ведут открытую войну с патриотами и защитниками Земли Русской.

И среди тех, кто старается отстоять Землю Русскую в это смутное время, есть поэты, писатели, журналисты — певцы свободы и чести. К сожалению, их не столь много среди продавшихся, прислуживающих врагам Отечества.

И все же! "Все трагедии мира проходят через сердце поэта", — сказано гуманистом Гейне. Верно сказано.

Не везёт России... из века в век. Необъятная, прекрасная, богатейшая, свободолюбивая — она своим блеском и красотой ослепляет иностранных завистников и пакостников, не дает покоя и "своим" подлым душам. Многие в мире страны, размеры и природные богатства которых надо рассматривать под микроскопом, живут сегодня за счет российского добра в довольстве, роскоши и благодати. Мы же, русские, постоянно подвергаемся обману, издевательствам и насмешкам. Страдают все, кто не потерял совести и человеческого лица, в ком жива ещё трепетная и светлая душа, но более всех страдают поэты-патриоты из провинции.

Все московские вознесенские и вегины, ждановы и приговы — апологеты авангардизма и постмодернизма — чуждого нашей культуре и традициям, подкармливаются и пригреваются западными идеологами, толстосумами. И только большинство поэтов из провинции идет своей тернистой дорогой.

Из российских, из русских поэтов второй половины двадцатого века, на мой взгляд, поэтический голос сибиряка Николая Денисова звучит необычайно уверенно, трепетно и честно. Большинство его произведений — стихи и проза — покоряют читателя оригинальной простотой, наивной прелестью и яркими образами. Читая его книги, невольно задаешься вопросом: откуда у этого человека, рожденного и выросшего в отдаленном сибирском селе, в семье, далекой от эстетствующих воззрений, такая проникновенная образность письма, неистребимая любовь к родной земле и простому, угнетенному нищетою, народу?!

Откуда у Николая Денисова, который после окончания школы работал в совхозе молотобойцем, прицепщиком, а затем после училища механизаторов водил по полям "стального коня", откуда у него такое тонкое восприятие окружающего мира, событий, человеческого бытия? (Литературный институт он закончил уже после службы в ВМФ).

И, естественно, рождается ответ: "Россия-Матушка во все времена дарила, поднимала и бережно растила талантливых, высокодаренных сыновей и дочерей для добрых дел и свершений".

Давно известно — истинный поэт, о котором говорят, что его талант от Бога, является таинственным волшебником, преобразующим, по определению Блока, мировой хаос в гармонию. Его душа никогда не знает покоя: волнуют его бездны морей и человеческие судьбы, пшеничный колос и полевой цветок, он радуется восходу солнца и трепетному чувству любви, удивляется снежинке и морской волне, вольному ветру, дереву и птице, времени и пространству, он пытается познать тайну жизни и смерти, тайну души...

Поэтическая стезя Николая Денисова, в общем-то, сложилась сравнительно благополучно: покинув родное село Окунёво, начинающий поэт окунулся в море жизни. Не поступив в Тобольскую мореходную школу юнг, он устроился рыбаком на рыбзавод под Тобольском, ловил рыбу на Иртыше и на глухих заледенелых таёжных озерах, грузил-разгружал баржи, плавал матросом на речном пассажирском теплоходе. Но всюду в молодом поэте жила детская любовь к морю, страсть к путешествиям.

Пройдут годы... Многое из того, о чем мечтал сельский максималист и фантазер, сбудется, станет реальностью. Любовь к сочинительству, к поэзии, окрепнет, останется на все времена.

Поэту, каким бы замечательным не был его талант, всегда и всюду нужна напряженная неутомимая работа над собой, над своим несовершенством с тем, чтобы — шаг за шагом! — хотя бы приблизиться к сияющим вершинам идеала, какими были и остаются для нас всех — Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Некрасов, Есенин, Твардовский.

То богатое поэтическое наследие, что сделано Николаем Денисовым за годы, можно условно разделить на несколько основных разделов: человек на земле, на море, любовь к России — осо-

бенно в сегодняшние "жесткие" годы, когда и голос поэта зазвучал с особой болью, тревогой, мужеством.

Такая "градация" характерна для многих пишущих: познание окружающего мира, людей, самого себя, накапливание знаний, приобретение мастерства, когда жизнь переполняется ярким и свежим чувством любви, исповедальности и юношеского восторга. В начале своего пути так себя выражал поэт юный:

*И мне хорошо, я расту и дышу,
Как свеженький гриб на рассвете.
И каждому утру в восторге спешу
Излить откровения эти.*

И тогда же, в другом стихотворении, он простодушно признавался:

*Ни к чему мне в пути сутулиться,
Золотая томит забота.
Мне ведь тоже на нашей улице
Очень нужно любить кого-то...*

Любовь — всепобеждающее чувство — на долгие годы останется в творчестве Н. Денисова тем спасительным маяком, на который он постоянно ведет свою поэтическую ладью.

Следует отметить, что за внешними атрибутами повседневной жизни, которым поэт уделяет много внимания ("Кузница", "Проводы", "Утро в Тобольском порту", "Сибирская баня" и др.) всегда кроется уловимое чувство человеческого сопереживания, удивления, радости и печали лирического героя. И это восприятие жизни — не подражание кому-то и чему-то, стихи свободно льются из груди: естественно, мужественно.

Второй творческий этап Н. Денисова — морская стихия, путешествия по белому свету. На мой взгляд, этот раздел поэзии Николая Денисова наиболее зрелый, весомый, совершенный. Думаю, что из русских поэтов он пока единственный и неповторимый маринист, посвятивший морю так много вдохновенных, пропахших океанскими ветрами и солью, поэтических строк. К примеру, строки из стихотворения "Снег":

*С морозных палуб
Сбрасываем снег.
И нет конца работе
Окаянной.
Но я привычный
К делу человек,
Легко машу
Попатой деревянной...*

Николай Денисов

...Одни, словно голые в бане,
У шаек своих и корыт.
А я в штормовом океане,
Мой путь направляет бушприт.
При хватке и мстительной силе
Разбитой страны паладин.
Поверил я в прочность
Под килем!
Торжественной мощи глубин.
И в небе я вижу поруку,
И к Богу иду, не беда:
С ним раньше по правую руку
Случалось сидеть иногда.

1996

В Тихом океане

И далее ностальгическая, с улыбкой, грусть по красавице Крамской «Неизвестной», с которой неплохо бы «зазимовать в каком-нибудь порту». Все по-человечески просто, понятно и... знакомо. Чувство это!

По стихам, посвященным морской тематике, наблюдаешь, как поэт торопится, спешит запечатлеть весь яркий калейдоскоп увиденного: морские гавани и причалы, экзотику невиданных до этого стран, встречи с людьми, циклоны-штормы и нежный взор туземки на острове Шри-Ланка...

И однажды, в минуту одиночества, поэт-мореман, признаётся себе:

*Да! У нас ни кола, ни двора,
Нет нужды с барахлом канителиться.
На морях, где шторма да ветра,
Не прибыль, а мужество ценится.*

Мужественный русский характер Николай Денисов проявил не только в дальних морских походах и путешествиях, — ступив на родную землю, он весь свой талант поэта-сибиряка и патриота отдает не только литературе (в активе Н. Денисова два десятка книг и стихов и прозы), он ведет активную общественно-политическую и журналистско-издательскую работу. Почти 30 лет Николай Денисов редактирует и издает известную не только в России, но и за рубежом газету-журнал «Тюмень литературная». Знаю, каждый номер выходит трудно, как все в России патриотические издания. И все ж здесь находят «площадку» для публикации авторы острых, актуальных материалов, поэты, прозаики Тюменского края, России и зарубежные русские авторы.

К сожалению, тиражи книг и патриотических газет, издаваемых не только Н. Денисовым, но и другими, настолько малы, что до читателей, желающих узнать истинное положение дел в нашей стране, они еле просачиваются, а то и

не доходят совсем. И вообще разговор о читателе наших дней — непростой. Причин тому множество: полуголодное существование массы народа, постоянная борьба за выживание, отравляющее и зомбирующее сознание людей продажное и вражеское телевидение. Все это накладывает на сердца людей угнетающее состояние. По этой причине не только современные поэтические сборники, но и русская классика практически не покупается. А писатели и поэты, проживающие в провинции (особенно!), безнадежно нищие, никому не нужные «пролетарии». Конечно, есть исключения! Но это исключения — из общей «заботы» государства о поддержке русской литературы.

О политических и социальных трагедиях в обществе наших дней эмоционально и талантливо рассказано в поэмах Николая Денисова «Базар» и «Змея на Солёном». Достоверно, почти документально, даются образы и тех, кто бессовестно и нагло грабит народ, и тех жалких обывателей, кто плывет по мутной реке удовольствия и кайфа.

*Времечко, время! Шумит,
как худой унитаз.
Бритоголово мерцают братаны
и корешки.*

*Что им романтика — та,
что возвысила нас?
Руки умыли. Ну, что ж, с облегченьем,
нувориши!*

*Продано. Продано. Всё!
Даже стыд и позор.
Бонзы обкомов — не бонзы,
«хозяева справные».
Сытые офисы из флибустьерских
контор,*

*Ладан курия, осыятили
попы православные.*

За годы творческой работы Н. Денисовым написана почти дюжина эпических поэм. Среди них — «Деревня», «Снега Самотлора», «Высокие широты»,

«Моя Тюмень», «Тимофей Корушин» и другие. Приходится констатировать, что серьезные критики пока не обратили внимания на этот целинный пласт в творчестве Николая Денисова. А это слепок времени, портрет отгремевшей великой эпохи второй половины XX века. Наша история. А историю забывать не гоже. Читаю и ловлю себя на мысли об эпохальности изображенного в поэмах. Некоторые фрагменты поэм по своей фантазии и буйной образительности напоминают поэмы Павла Васильева. И эта творческая преемственность несколько не снижает своеобразия и художественной ценности произведения крупного жанра. Вот начало поэмы Н. Денисова «Моя Тюмень»:

*По родне и по рожденью —
Местный, тутошних корней, —
Подрастал и я с Тюменью,
Поднимался вместе с ней.
Никакой особой доли
Мне наш век не отпустил,
Но горжусь, что в отчем поле
Я пахал и хлеб растил...*

Автор как бы пишет историю лирического героя, но за ней, за поэтическим «глаголом», открывается панорама, хорошо знакомая по чувствам, по событиям старшему поколению, познавательна она и для молодых.

С берегов поэтической Тамани, посылая привет Николаю Васильевичу Денисову, сердечно поздравляю поэта и патриота Земли Русской — с приближающимся юбилеем.

Дружески желаю ему многие лета, здоровья, творческих удач.

Виктор Жорник,
кубанский казак, сотник, член
Союза писателей России, лауреат
премии имени Антона Головатого.

Станица Старотитаровская,
Краснодарский край.

* * *

Дорогой Коля!

Спасибо тебе за книжицу. Я её прочитал лежа в постели, без суеты и спешки. Поздравляю тебя с выходом в столице. Книжка хорошая. Росистая. Добрая. Честная. Много отличных находок.

*Неторопливо дышат дизеля,
И в руки кранов просится работа.*

“Там, кажется, что-то с любовью случилось”. По-моему, хорошо найден угол зрения. Хорошо — “Скоро год, как мой племянник Вовка в бескозырке ходит”. “О шубе” — хорошо. “Страда”. Было б лучше, если начать с чудесной строки “Ты отбей, Василь Ермилович, мне кусу”. Конец хорош: “...отложив медовый месяц до сентября”.

Словом, книга живая и есть в ней жемчужины и золотники.

Мне хочется тебя за эту книгу обнять по-мужски и пожелать новой книги. Попробовал бы взяться за поэму на малом поле.

Поздравляю с праздником! Не пропадай! Пиши!

Твой старший товарищ

Виктор Боков.

Москва, 6 ноября 1975 г.

* * *

Редактор альманаха “Поэзия”:

Дорогой Николай! Номер 16 альманаха с Вашими стихами подписан в печать и скоро выйдет. Альманах мы вышлем.

В № 17 мы хотели дать подборку поэтов Брянска и Тюмени. Но нас заставили на 4 листа сократить объем альманаха. И поэтов Тюмени пришлось перенести в № 18. Есть возможность опубликовать несколько Ваших стихов. Срочно пришлите новые на мой домашний адрес. Вышлите еще фото.

С Новым годом и всяческих Вам удач!

Николай Старшинов.

Москва, 27 декабря 1975 г.

“ЖАДНОСТЬ К ЖИЗНИ, К УВИДЕННОМУ,

* * *

Дорогой Николаша!

Получил твою книгу “Разговор”. Поздравляю с выходом. Спасибо за подарок. Сразу пошел на почту и послал тебе свои книги. Писать некогда. Через час еду в Домодедово, лечу в Ижевск, к удмуртам — дни литературы.

Живу постоянно на даче, в Перedelкине, пиши туда.

Желаю тебе хорошего лета. Привет твоей милой жене. Да бережет Бог ваш дом, ваше счастье, ваше вдохновение.

Обнимаю тебя,

твой **Виктор Боков.**

Москва, 19 июня 1978 г.

* * *

Дорогой Николай! Простите меня за столь поздний отклик на Ваше душевное письмо, на книгу. Большое Вам спасибо! Я просто долго болел, да и сейчас далеко еще не здоров.

В Вашей книге много славных свежих живых стихов. Очень рад за Вас! От всего сердца желаю Вам в Новом году и на всю жизнь — здоровья, радости, творчества!

Анатолий Жигулин.

Москва, 26 декабря 1976 г.

* * *

“Благодарю Вас за повесть...”

Дорогой Николай Васильевич! С удовольствием прочитал Вашу простодушную и добрую повесть. Это зрелая, настоящая проза. Рад был познакомиться с писателем, которого читать еще не доводилось. Рад и тому, что писатель из Тюмени. Не может же вечно пустовать этот город! После Ивана Ермакова, один Зот Тоболкин заявил там о себе хорошо...

Повесть Вам надо предложить в “Сибирские огни”. Там раньше охотно печатали такую добротную прозу. Не получится в “Сибирских огнях”, пошлите в “Молодую гвардию”, там Слава Шугаев сейчас прозу ведет. И в прозе сведущ, сам хорошо пишет.

Если не издавались в “Современнике”, соберите книжку и предложите этому издательству. План там увеличивается с 80-го года, а издавать нет ничего. Дерьма-то много, а доброго слова мало.

Кстати, с удовольствием читал Вашу повесть еще и потому, что она хороша по языку, правда, несколько “общему” у героев, они говорят похоже друг на друга, и ещё — народу лишковато для такой небольшой повести — человек пяток можно убирать, или “смахнуть” совершенно “незаметно”. Попробуйте это сделать, сами увидите, как в повести делается просторней для действия и “жизни” других персонажей.

Ну, еще раз спасибо. Пока ездил к фронтовым друзьям, в доме скопилось около двадцати рукописей. И каждый автор ждет, чтоб его прочитали и хоть немного ему написали, ободрили. Я уже свое почти не пишу. Некогда!

Еще раз благодарю Вас за повесть! Желаю удачи в работе и... (слово не разобрал. — Н. Д.). Кланяюсь Вам и Вашим близким!

Виктор Астафьев.

Вологда, 13 марта 1978 г.

* * *

**Журнал “Дружба народов”,
главный редактор:**

Дорогой Николай Васильевич!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой.

Подошлите мне, пожалуйста, в редакцию две-три книги своих с добрыми пожеланиями нашим подшефным нурекчанам (“Интернациональной библиотеке “ДН” в героическом Нуреке от...” и т. д.).

Хорошо?

О нашей уникальной коллекции книг с автографами в Нуреке Вы, видимо, слышаны? О ней много пишут и говорят. Сейчас она насчитывает уже 9 тысяч томов. В минувшем году свои книги нурекчанам подарили Л. И. Брежнев и другие члены Политбюро ЦК.

А как же Ваше участие в этом благодарном деле?

Буду ждать!

Заранее благодарен Вам!

О Вашем даре мы непременно сообщим на страницах “ДН”.

Искренне Ваш

Сергей Баруздин.

Москва, 15 мая 1979 г.

* * *

**Журнал “Урал”,
отдел поэзии:**

Дорогой Коля!

Срочное задание тебе — напиши доброе стихотворение о Куликов-

К ОТДАЧЕ ДУШИ СВОЕЙ ДРУГОМУ — СУТЬ ПИСАТЕЛЯ И ПОЭТА."

Виктор Боков

ской битве. Срок — 20 апреля! — должно лежать у меня на столе. Желаю успехов. Жду.

С приветом **Леонид Шкавро.**

31 марта 1980 г.

Дорогой Коля!

Итак, я снова в Мировом океане. Вот уж 17 (!) суток идем из Одессы в Сингапур. Небо и вода. Качает, но жить можно. Следуем — Сингапур, Вьетнам, Кампучия, Таиланд, а затем в Европу. Полагаю быть в свопорту в конце мая — начале июня с. г. 15 февраля должны быть в Сингапуре. Оттуда отправлю это письмо. Мне можно написать в Таиланд. Будем в Бангкоке весь март. Черкни. Как с твоей книгой прозы в "Современнике"?

Добра и счастья Вам! Машу, Наташу, Иру с прекрасным праздником 8 Марта!

Обнимаю **Петр Гуцал.**

Индийский океан, 12 февраля 1980 г.

Дорогой Коля!

Поздравляю тебя с книгой прозы! — видел заметку в "Книжном обозрении". Жду обещанный экз. с автографом, украшу свою библиотеку, а, может быть, отрецензирую в центральной прессе...

До сих пор — ни копыя из Тюмени за наши выступления с Пушкиным. Пошевели там, в Бюро, своих бывших подчиненных. Гри Гри Пушкин в гневе, как когда-то бывал в гневе его великий прадед... Был на днях в Москве. Сидели, вспоминали Тюмень за доброй бутылкой...

24 октября 1980 г.

Твой дружественно

Игорь Крохин.

Мценск, Орловская область.

Дорогой Коля!

Только что вернулся из Переделкино. Был там полтора месяца. Надоело смотреть каждый день на эти... одни и те же морды.

Мне сказали, что твоя проза вышла, а я еще не был в книжной лавке. Куплю...

Михаил Давыдович Львов, которого часто вижу, интересуется твоей персоной. Это очень приятно.

В октябре, очевидно, будет мой "морской" вечер в ЦДЛ. Приезжай,

увидимся. Привет всем друзьям в Тюмени, в том числе комсомолатам. Особый привет моим "невестам" и Машеньке.

Обнимаю **П. Гуцал.**

Москва, 1 августа 1981 г.

Дорогой Николай!

...Я рад, что моя рецензия не расстроила Вас, не выбила из рабочего ритма. Но ведь при всех моих замечаниях, я свою рецензию считаю положительной, особенно в заключительной части, где я прошу издательство не ослаблять внимания к Вашему творчеству. Об этом же я просил и в своем письме в издательство "Современник". Одним словом, я желаю Вам успешного завершения работы над рукописью. Я тоже уверен, что Вы сможете довести рукопись до уровня книги! Да и держитесь обеими руками и всем сердцем за советы Владимира Тимофеевича Фомичева. Этот человек — с совершенным и тонким вкусом и с такой же прекрасной душой...

Желаю Вам большой и хорошей работы!

Сердечно с Вами —

Виктор Потанин.

Курган, 29 января 1983 г.

Дорогой Николай Васильевич!

Огромное спасибо за письмо и очерки — все дошло благополучно. Дабы не уподобляться известному пушкинскому сапожнику, критиковать не буду, скажу только, что морских "ляпов" нет (это я уже как специалист). А вообще — прочитал с превеликим удовольствием. Теперь держись, тюменская нефть, вся молодежь рванет в море...

Ваш 22-й подменный экипаж сейчас на "Ем. Ярославском" (однотипный с "Н. Семашко"), 5 января заканчивает погрузку в Кочине (Индия), а потом потихоньку поползут в наши широты.

Ну, а работаем по-прежнему, основную задачу — выкачивать из проклятых капиталистов как можно больше твердой валюты — по мере сил стараемся выполнять.

Приезжайте вновь, рейс и паролот подберем.

С уважением **А. Демин,** зам. начальника Дальневосточного морского пароходства по кадрам.

Владивосток, 5.01.1985 г.

Дорогой Коля!

Спасибо тебе за книгу прозы. Молодец! Прочту, скажу.

Поздравляю тебя с Новым годом — 1989-м. Будь работящ, скор на ноги и на перо. И не ленись. Леня опасна писателю. Жадность к жизни, к увиденному, к отдаче души своей другому — суть писателя и поэта.

Желаю тебе новой книги стихов.

Обнимаю! **Виктор Боков.**

Москва, 24 декабря 1988 г.

Дорогой Николай!

Спасибо тебе за "Тюмень литературную" с твоими "Ревущими сороковыми". Ты настоящий морской волк, моряк, поэт божьей милостью и верный друг. И кроме всего этого, истинный писатель, рассказчик, поведствователь. Вот и с величайшим удовольствием сразу же проглотил твои записки, порадовался за тебя и позавидовал доброй завистью твоей стезе... Продолжай, Коля, в том же духе и радуй нас, сухопутников, твоими бесподобными морскими рассказами!..

Добрый друг мой! Написал я о Г. Г. Волкове очерк с условным названием "Сохранившие в сердце Россию", вот довожу его до ума. Надеюсь, через месяц выйдет в одном московском кооперативе много-страдальное "Убийство Есенина"... Пошлю.

Ну, будь здоров и невредим, друг Николай!

Твой **Иван Лысцов.**

Москва, 19 октября 1992 г.

Прим. ред. Через полтора года, в апреле 1994-го, замечательный русский поэт Иван Лысцов будет зверски убит в Москве "неизвестными лицами".

Дорогой Николай Васильевич!

Драгоценную для меня Вашу бандероль получил, с хода прочитал и письмо, и книжку "Поступок", и "Тюмень литературную". Что могу сказать? Вы подлинный Рыцарь справедливости, выступающий с открытым забралом против царящего зла...

Из "ТЛ" узнал о юбилее К. Лагунова. К стыду моему, с его творчеством почти не знаком. Как бы дос-

тать роман его "Красные петухи"?
Здесь его нигде нет...

Простите, дорогой Николай Васильевич, что не отзываюсь отдельно о "Поступке". Книжка цельная, талантливая, остро направленная. Это не книжка — оружие. И она в солдатской "серой шинели".

Всегда Ваш земляк-окунёвец
Геннадий Сысолятин.
Абакан, 31 мая 1994 г.

* * *

Здравствуй, дорогой Коля!

Признаюсь: пронзил ты меня, старик, своими стихами. Не сразу я их стал читать. А вот сегодня с утра взял твою книжку — и стих за стихом прочёл (а иной раз перечитывал). И вдруг наткнулся на одну строчку, другую, третью и уже не откладывал более книжки твоей "Штормовая погода", пока не сделал себя счастливым: открыл для себя еще одного прекрасного поэта и человека. Да что говорить — "открыл". Я и печатал твои стихи раньше в своей самодельной газете "Герольд мира". Под рубрикой "запрещенные строки" — там, где о Голове Николая Второго... Но вот здесь как-то разом ты "достал". Когда дошел до "Ночных гостей" чуть не зарыдал. Да ведь это концовка: "Да люди, сынок..." посылней многого. В ней и великое преклонение перед добротой, гостеприимством Матери, и слава нашей Русской нации, слава Христовым заповедям. Перелистнул — и прочитал "Занятого деда". Господи!.. Даю жене: почитай! А то я не смогу, заплачу в голос...

А недавно получил еще и твою газету. Спасибо, брат! Конечно, есть у тебя иногда и политика, вроде фантомов, но главное — ты Поэт, брат. И зря мы думаем, что был только Рубцов. Видно, наш север будет еще рождать "быстрых разговоров Невтонов... и поэтов..."

Твой друг **Лев Князев.**

Владивосток, 15 августа 1993 г.

* * *

Здравствуй, Коля!

Неожиданный сюрприз — моя "Тень" в твоей "Тюмени литературной". И не только сюрприз. В наше поганое время — это огонь в черном и тоскливом осеннем поле.

Спасибо тебе!

Я вот уже года четыре живу в д. Кузнецово. Родители мои умерли, девки-двойняшки выросли, живу я в стареньком домишке и четвертый год пишу свой любимый роман наперекор всему — о Родине и любви...

Посылаю стихи. Вдруг пригодятся? И чтоб знали, что я с вами.

Алла Кузнецова.
Голышмановский район.

Прим. ред. 90-е годы. Без даты.

* * *

Сотрудникам
"Тюмени литературной"

Дорогие товарищи!

Хочется поделиться с Вами своей радостью, я счастлива, что еще встречаются газеты, сохранившие честь, достоинство, теплоту, искренность, товарищество и многие качества, которые, к сожалению, сейчас оттиснуты на задний план, а здесь присутствуют в полной мере. Я говорю о Вашей газете "Тюмень литературная". Не выдержав тягот времени, духовную растерянность, материальную загнанность, потерянность нравственных ориентиров, многие газеты прекратили свое существование. Так вот, дай Бог, чтобы Вы смогли выжить, и жить долгие годы. Газете и каждому члену редколлегии отдельно за Ваше правое дело, за православные Ваши традиции, которым нет и никогда нечего было в мире противопоставить, ибо это стремление к истине, любви (думаю, путь этот сейчас самый трудный), желаю творческих успехов, личного для каждого счастья, и, как говорят, пусть через огненные реки жизни Вашей перенесет Вас на руках ангел, стоящий за правым плечом.

Т. С. Михайлова.

Москва, 24.02.1995 г.

* * *

"Если вдруг выжили..."

Редактору
"Тюмени литературной"

Во второй раз перечитываю от первой до последней строчки единственный у меня номер вашей газеты (№ 4 (5) 1990 г.).

По московским приметам мне трудно рассчитывать, что вы сохранились и территориально и организационно, и материально. Но если

вдруг выжили, то вышлите, пожалуйста, несколько разных номеров вашей газеты. Среди патриотических газет почти все перешли на сторону язычества и тем самым вбивают еще один нож в спину православия. Я долго распространяла "Наше Отечество" Е. Л. Щекотихина. Но вот и он выступил в поддержку этого направления. Я совсем не из верующих, но в Бога поверила, чисто практически, т. е. на собственной судьбе...

Мне трудно, но очень хочется верить, что вы сохранились.

Пишите, присылайте. Дорого-визна пересылки и паскудность извечных (как выяснилось) наших врагов и их всепроникновение заставляют меня быть осторожнее: вышлите 1—2 номера, последних. Если я убежусь, что вы действительно сохранились, то закажу больше, возможно и для распространения.

В. В. Жарикова.

Москва, 1996 г.

* * *

Дорогой Николай!

Спасибо за газеты и весточку. Радуюсь Вашим усилиям. Газета — это "закваска". Не горюйте, что "Тюмень литературная" — одна, а "их" много. В нужное время Господь сквасит своё тесто...

По всем предсказаниям русских православных прорицателей "третьего иго — безбожное, жидовское", как говорил монах Авель (нач. XIX в.), будет также сброшено (как татарское и польское) и "великая судьба предназначена России". А чаша бедствий наших — "чтоб люди в разум пришли".

Статью мою — вы имеете в виду "1996? Не обольщайтесь" — печатайте, если считаете, что это полезно. В примечании надо бы указать, что написана статья в январе 1996 г. Прошлой зимой статья была опубликована в одной из провинциальных малотиражных газет. Ни Москва, ни Петербург её не взяли...

Сердечно Вас обнимаю

Марк Любомудров.

С.-Петербург, 25 июля 1996 г.

* * *

Милый Коля!

Спасибо тебе за царский подарок. "Стезя" твоя хороша во всех

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ."

отношениях: и по оформлению и по содержанию. Твое творчество мне душевно близко. И судьбы наши в чем-то схожи. Когда ты бороздил океаны, я ходил по северам, держал в руках кемберлит на алмазных трубках Якутии, в Мирном, на Айхане, на Удачной. Строил Вилюйскую и Токтогульскую ГЭС, Гидроузел в Казахстане.

Всё это сейчас зачёркнуто, оплёвано. Сам честный труд поставлен под сомнение. Что поделаешь, воровское государство, по фене богатеет, по-бандитски мыслит. Я, конечно, все это остро переживаю, но нахожу себе и оправдание. Всю жизнь я честно вкалывал, писал книги, и хоть капля моего труда да останется на моей земле (думаю, все не разворуют, не успеют).

Тебе я желаю, мой дорогой друг и товарищ, здоровья и вдохновения. Поэт ты, каких и наша щедрая земля рождает не часто. Дай тебе Бог!

Сообщаю для информации, что мне присвоено звание "Заслуженный работник культуры России". Верный знак старости.

Очень сожалею, что ты не был на пленуме. Ты мне близкий человек, и я по тебе скучаю.

Привет твоим родным и близким.

Обнимаю. **Валерий Мурзаков.**
Омск, 21 января 1998 г.

Ректор Литературного института им. А. М. Горького:

Дорогой Николай!

Получил Ваше письмо, книгу, прочитал и газету. Мне очень понравились стихи, скорее их поэтически-народное мышление. Думаю, что с некоторых строк спишу слова для своих надобностей. Так жаль, что в результате общей постановки дел в культуре стихи востребуются все меньше и меньше. Журнал я с интересом почитаю дома, мне кажется, там, — в "Тюмени литературной" — тоже много любопытного.

Институт наш стоит, и дела идут своей чередой. Не сдаемся.

Сергей Есин.
Москва, 11 июля 2001 г.

Лауреат Государственной премии РСФСР им. Горького, Главный редактор журнала "Наш современник" — 1970—1980 гг.:

Дорогой Николай Васильевич!
Номер "Тюмени литературной", посвященный Н. Рубцову, получил, спасибо (как, впрочем, получил и предыдущие номера). Восхищен Вашей подвижнической деятельностью. Таких парней, как Вы, очень не хватает Москве. Она с большей охотой пригревает на своей груди инородцев, чем русских писателей. Обнаглев, они почувствовали себя хозяевами, издают, переиздают свои сочинения под русскими фамилиями... В результате, народ не имеет подлинного представления о русской литературе — она, большей частью, на задворках литературы инородческой. На книжных полках магазинов, на самых видных местах Бродский, Рыбаков, Гранин и им подобные. Ваших книг долго еще не будет там, если Вас, как Рубцова, не задушит какая-нибудь баба. А ведь была бы Россия русской, Ваши стихи уже давно были бы известны народу, как и стихи моей землячки Ольги Фокиной. Увы, Фокина — для Вологды, Денисов — для Тюмени — и только.

Читаете ли Вы "Советскую Россию" — настоящую русскую газету. И, пожалуй, единственную в Москве, если не считать "Завтра". Прохановым я тоже восхищаюсь. Вы с ним братья по духу, по хватке, по характеру.

...Ах, Боже мой! Чем же все это закончится? Кого еще подsunут нам в отцы нации, а народ "изберёт"... Изберёт, хоть черта — вот какой он, народ наш, в начале XXI века. Согласны? И, надеюсь, понимаете, почему он такой...

Черкните хотя бы страничку-две о том, что у Вас происходит, как "хозяйствует" по соседству Абрамович и прочие подобные.

Читали ли Вы книгу Солженицына "Двести лет вместе"?

Сергей Викулов

Отважился-таки старец, лягнул копытом... Открыл людям глаза на "избранный народ". Наверное, ему это не простится. Даже ему!..

Всего Вам доброго!

Сергей Викулов.
Москва, 24 октября 2001 г.

Послание из Бердюжья — с малой родины:

Дорогой друг мой, Коля! Спасибо тебе за книжку твою "Заветная страна", я все сегодняшнее воскресенье её читал, кинулся было подчеркивать либо выписывать звонкие и родные до слёз места, до попустился, слишком много пришлось бы подчеркивать и слишком часто отвлекаться. Я получил такую радость, какой давно не имел, наверное, родство душ, схожесть происхождения и воспитания заставляют меня смеяться и плакать у тех стихов, которые написаны тобою со слезами или с улыбкой.

Мне было так же светло после Ивана Михайловича Ермакова, после нашего еще Астафьева, после стихов Рубцова. Мы, возможно, скоро увидимся, но сейчас дух мой высоко и не могу удержаться от письма тебе, а потом поклониться в пояс. Спасибо.

Твой Николай Ольков.
Октябрь 2002 г.

Весточка из родного села Окунёво:

Здравствуй, Николай Васильевич!

Привет Вам от земляков-окунёвцев. Прочла Вашу газету-журнал № 2 за 2002 год от корки до корки. Спасибо Вам! За Вашу работу, старание и терпение. Так и хочется сказать после прочтения: "Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!"

Вы уж не забывайте нас и при случае высылайте очередной номер, а мы здесь в Окунёво передаем его из двора во двор.

От имени земляков
З. Ф. Замякина.
21 октября 2002 г.

“Хотя нас и разделяют континенты...”

А это моё крещение в Каракасе. Храм Св. Николая. Обряд ведёт православный священник о. Павел. 1991 г.

Каракас. Дом Волковых. На этот раз за гостеприимным столом — великая балерина Галина Уланова. 1992 г.

“Посылаю Вам на память Вашу фотографию (грустные что-то у Вас глаза на ней)...”

Они больше нас русские...

После выхода в свет первого номера “Тюмени литературной” (возобновленного издания) в канун нового 1990 года, я получил вскоре письмо из далекой Латиноамериканской Венесуэлы. Писал русский человек по фамилии Волков...

С той поры и завязалась наша переписка с Русским Зарубежьем — странами Латинской Америки, Канады, США, Австралии и Европы. С русскими людьми. В основном, с эмигрантами “первой волны”, точней (и в основном с бывшими мальчишками-кадетами, девочками-гимназистками) с теми, чьи отцы и матери уходили из России, из Крыма, вместе с белым войском генерала Врангеля. Сначала — Турция, затем — Югославия, где мальчишки окончили русские кадетские корпуса, девочки — русские гимназии. Затем — после второй мировой — рассеяние по всему миру...

Да, я убедился потом: они сохранили язык, веру, традиции, культуру, даже русскую кухню, обычаи! Да, они остались больше русскими, чем мы, живущие ныне на Родине — в России.

Была за эти годы не только переписка. У меня, в Тюмени, дважды был Г. Г. Волков. Приглашен был и я в гости — ни как редактор “ТЛ”, а как друг, соотечественник. В Каракасе, в православном храме, принял крещение. И горжусь, что крестным у меня стал замечательный человек Георгий Григорьевич Волков, ныне Председатель объединения русских кадет в Венесуэле, а крестной — Лидия Артуровна Руднева — жена внука командира легендарного крейсера “Варяг” — Руднева.

На страницах “ТЛ” публиковались стихи и проза русских зарубежных авторов. И я сам открыл этот мир!

А в этом номере публикую несколько писем моих друзей, фотографии.

Н. Д.

Многоуважаемый г-н редактор!

На днях попалась мне Ваша газета “Тюмень литературная”, которую я с интересом прочел. Хотя нас разделяют и континенты и семидесятилетнее воспитание, но все, что Вы пишете и проповедуете в Вашей газете, нам, здесь живущим в чужих странах и условиях, родны, и мы не потеряли с вами одно и то же направление. Все, что у вас происходит, нас интересует, волнует, и мы переживаем вместе с вами. Мне приятно было получить газету из далекой провинции и увидеть, что вся страна охвачена одними мыслями и желаниями. Наша Русская колония, а нас около 5000 человек, получаем столичные газеты, но меня лично интересует, что думает и как реагирует на все перемены наша провинция, поэтому я Вас очень прошу присылать мне Вашу газету, в свою же очередь, если у Вас будут к нам какие интересные Вас вопросы, то не стесняйтесь и спрашивайте. На счет расходов по пересылке, думаю, что уладим, т. к. многие из нас все же теперь летают в Москву.

Бог на помощь Вам и Вашим сотрудникам. Уважающий Вас
Георгий Григорьевич Волков.

Каракас, 7 марта 1990 г.

Дорогой Коля!

Посылаю Вам на память Вашу фотографию (грустные что-то у Вас глаза на ней). Помните, как удирали с Вами перекурить, и как я, насколько было возможно, “спасала” Вас от плеяды стариков! Как на Вашем докладе с чудесными такими, разнообразными стихами, выпили по рюмке водки, закусывая — чисто по-русски! — солёным огурцом! Все это запомнилось навсегда.

Странными, наверное, Вам показались мы — “архаические древности” давно утонувшего мира, который, дай Бог, когда-нибудь возродится. Твёрдо в это верю, без этой веры жизнь лично для меня потеряла бы всякий смысл...

Надеюсь, что через год смогу прилететь в Советский Союз. Уже больше десяти лет коплю деньги на поездку. Полечу индивидуально в Ригу, где прошло моё детство и юность, в Москву, где родилась и в Питер. К сожалению, до Тюмени не доберусь, а так хотелось бы познакомиться с Вашей семьей и сотрудниками по издательству.

Всем, всем сердечный привет и спасибо, что Вы такой — настоящий. Ваша Вера Кривцова.

Венесуэла, Каракас, 18 июля 1991 г.

Примечание ред. “ТЛ”. Советского Союза, о поездке в который мечтала автор этого письма, не стало ровно через месяц. Город детства Веры Кривцовой — Рига — остался за “бугром”. Нет сегодня на земле и этой замечательной русской женщины, страстно мечтавшей вернуться на Родину.

* * *

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Мы чуть-чуть знакомы, если не ошибаюсь, Вы были у меня дома, когда там была маленькая кадетская встреча. Это было в Валенсии — городок в 2-х часах езды от Каракаса, а потому пользуюсь хоть и мимолетным знакомством, беру на себя смелость написать Вам о том сильном впечатлении, какое произвели на меня Ваши стихи.

У гр. Алексея Толстого есть прекрасная вещь, называющаяся "Василий Шибанов", где описывается, может быть, это первый политический эмигрант, — князь Курбский, бежавший в Литву от царского гнева Ивана Грозного. И вот тут есть фраза, которая немного похожа на меня в данном случае, применимая к Вашим стихам. Там говорится — "прочтет, улыбнется и снова прочтет". Так и я: прочту и снова прочту, только улыбка не такая, какая должна быть. Эта улыбка больше похожа на гримасу, когда читаешь об ужасной судьбе нашей Родины. Меня поражает своей глубокой мысленностью Ваша каждая строчка. Я думаю, что Вам лучше печатать стихи через одну или несколько строчек, т. к. каждая дает новую тему для размышления, о которых можно думать и писать без конца.

В Ваших стихах выражено так много боли, страдания и любви к России, что невольно отдаешься той возвышенности чувств, духовного воспринимания, страдая вместе с Вами за нашу Родину.

Около ста лет тому назад вышло произведение Герцена "Что делать?", и наша интеллигенция начала искать ответ. Все эти мудрствования привели к духовно не родственному русскому народу "измам", результат которых мы видим сегодня.

У Вас ответ, просвечивающийся в Ваших стихах, самый простой, но самый меткий — "любить свою Родину и быть русским". С этим ясным заветом должно строиться и наше Государство.

Если все "измы", начиная от Кропоткина с его "теоретическим анархизмом", и Бакуниным с его практически примененным анархизмом, дальше социал-демократизм, социализм и коммунизм, отрицали веру в Бога, называя это опиумом для народа, мне совершенно не понятно, почему идеи Ленина-Сталина тоже действуют до сих пор, как опиум. Этот опиум действует так, как полагается: разлагающе, как наркотик на организм. Чувством веры и нашим духовным православием создалась империя со своей тысячелетней историей. А наркотик продержался только 70 лет. Не проще ли обратиться к простой логике и к фактам и найти народу те заветы, которые создавали нашу великую страну. Я думаю, что к этим мыслям и наводит меня на размышления Ваша поэзия.

Вот Ваше стихотворение "Эпоха". Уже первая строчка говорит о жизни и быте, о "непрогляднине": нет Бежина луга, нет Ясной Поляны... Не стало восприятия красоты. И это чувство сводится — к "чертополоху". Как и где искать праведный путь? Нет ответа от "глумливой эпохи". Да, вновь "пустили на Русь собак", чтоб разорвать её на куски, ведь начинка-то очень заманчива. Огонь для шашлыка, "украденный у неба", — очень сильный образ, говорящий о сегодняшней России.

Прошу прощения за это письмо, но оно вызвано первым чувством радости и веры в то, что если есть у нас такие поэты, то это значит — есть порох в пороховницах в нашей многострадающей Родине.

С глубоким чувством признания и надежды на Ваш талант.

Уважающий **Алексей Легков.**

Каракас — Валенсия, 5 августа 1995 г.

* * *

Дорогой Коля, и все семейство Денисовых, а в особенности наш внучек с такими чудесными васильковыми глазами! Получил письмо и пакет с двумя журналами "Тюмень литературная". Спасибо, дорогой Коля, что нас не забываешь. Всякая весточка из России нас волнует и радует. Мы все очень переживали за все события, которые происходили в Югославии, ведь там мы росли и воспитывались. Сейчас опять переживаем за события в Дагестане. Опять проливается русская кровь. К сожалению, у России друзей нет. Мы можем надеяться только на себя. Я получаю газеты — "Русский Вестник", "Завтра", некоторые другие. Вести неутешительные. Мы, русские, умы наши, разбрелись по всему свету, нас за гроши используют другие страны. Так вот и у нас образовалась целая колония новых приехавших русских, которые прибыли по контракту быть инструкторами спорта, преподавать в университетах, преподавать балет и музыку... Прилетают и всякие проходимцы, человек 6-8 захватили с наркотиками и, знаю, что некоторые сидели.

Многие думают, что быстро заработают, но это не так. У нас платят не долларами, а боливаарами, а жизнь, как мне говорят, здесь дороже, чем в России.

Наша маленькая группа старожиллов постепенно вымирает, наши дети ассимилировались здесь, для них Россия — это что-то абстрактное и далекое, все, что происходит там, их мало затрагивает. Им непонятен вопрос с Дагестаном, а это же ключ ко всему Кавказу и Каспийскому морю...

Всех вас крепко обнимаю и целую. Ваши каракасцы **Катя, Аннушка и деда Жорж.**

Каракас, 17 августа 1999 г.

Николай Денисов**ЭПОХА**

*У меня не дом теперь — жильё.
И сума — пакет из целлофана.
Как-то враз ушли в небытие
Бежин луг и Ясная Поляна.*

*Славил труд. Ославили и труд.
Красота в шипах чертополоха.
Как избрать тут праведный маршрут?
Но молчит глумливая эпоха.*

*Ведь пока свой проклятый табак
Я смолил над строчками, над словом,
Вновь на Русь спустили всех собак —
Наших дней — бронштейны и свердловы.*

*Содрогнешься, боже сохрани:
И напор, и выучка, и стойка!
Жадной сворой кинулись они
К пирогу с начинкой — "перестройка".*

*Да, в струю кричат про Соловки,
Да, вы правы — нехватка ширпотреба.
И эпоха жарит шашлыки
На огне, похищенном у неба.*

1990

РУССКАЯ ВЕНЕСУЭЛА

Моим крёстным

Л. А. Рудневой и Г. Г. Волкову

*Все было проще, чем думал об этом,
Там, на краю зарубежной Руси,
Встретили шуткой седые кадеты —
Ну, комиссар, мол, прощенья проси!*

*Сдвинули рюмки по доброй привычке,
И недоверья растаял ледок.
Да, раскидали нас войны и стычки,
От безрассудства лишь Бог уберёг.*

*Только куда подевалась отвага?
Думал ли встретить я, братицы, вчера
Рудневых — внуков героя "Варяга"?
Встретил. Сошлись мы. И — с Богом ура!*

*Помню у Слёзкиных вечер сердечный,
Кинту* Бурмицких, вопросов обвал,
Дружных Ольховских чету, и, конечно,
Как Свистунов о донцах вспоминал.*

*Сколько улыбок хороших! И столько
Солнечных душ пораскрылось легко:
Павла и Сергия, матушки Ольги...
Только сроднились. И вновь далеко*

*Вечнозеленый окрас Каракаса,
Горных дорог золотой серпантин,
Авиаборт безупречный "Виаса",
Моря Карибского синий сатин.*

*Кира и Аннушка, Катя и Вера,
Волков Георгий и кинта его.
Вот перед взором стоят кабальеры —
Плотников, Маликов и Хитрово!*

*Русских погостов святые могилы,
Белой России последний рубеж.
В утренней дымке вершина Авилы —
Знак восклицательный вечных надежд!*

1991—1994

* Кинта — дом (исп.).

Ну, погодка!

(Из морских записок)

Что-то тупо ударило в плечо, и голова начала проваливаться вниз. Ухватился одной рукой за кромку кровати, включил в изголовье свет. Поверх одеяла на мне две люминисцентные лампы. Свалились, кажется, со шкафчика, где хранится спасательный пояс. Убрал лампы в ноги: уцелели, отдам утром электромеханику.

Загремело в шкаф, посыпались книжки, карандаши, флакон с одеколоном. Со стола "поехало" толстое стекло. Графин с водой еще раньше предусмотрительно убрал на диван. С вечера качало, но по-божески. Сейчас же сухогруз кидало с борта на борт резко и глубоко. Не успел собрать рассыпанную мелочевку, как в следующем рывке сорвало спинку дивана, созвьякали осколки графина, а спинка, зацепив в полете незакрепленный стул, притиснула меня вместе со стулом к двери каюты.

Растер ушибленный бок. Ну, погодка!

Выбрался в коридор, страхуясь за поручни, перебежками достиг железной двери на палубу, отдраил ее и закашлялся от ударившего в лицо снежного ветрового заряда.

Лучше не высовываться. Но где народ? Спят, что ли? В соседних каютах, что и у меня, грохот, звякает, разбиваясь, посуда. За переборкой, у Валеры Золотарева в каюте, тоже светопреставление. И — спит!

Добрался до двери в машинное отделение. В глубине ярко освещенной шахты — весело молотил дизель. Промелькнула фигурка вахтенного механика. Конечно, внизу болтанка эта не столь ощутима. Трудится народ, а я тут...

Завтракаем холодными консервами. Никаких супов, котлет в этой карусели коку, понятно, не изготовить.

— Тапрепы на втором трюме оборвало, — говорит помполит.

По трансляции в этот момент раздались: "Матрос Кон — на мостик, боцману Сылке и палубной команде — ко второму трюму!" — голос старпома Филатова.

Николай Денисов

Два мощных прожектора перехлестнулись в районе второго трюма, вырывают из мутного рассветного полумрака облепленные снегом фигурки матросов. Тащат тросы, проволоку, доски. С высоты рубки видна вся невеселая картина разбоя, учиненная штормом. Связка контейнеров, весь пакет — на крышке второго трюма сдвинут с места, висит над фальшбортом. Каким чудом он держится там, не падает в океан, непонятно. Зависая и падая, светятся космы волн, пена. И — снежная муть. Ледяной щетиной прямо на глазах обрастают леера, растяжки мачт, радиоантенны.

Чуть рассвело. Идем носом на волну. Самым малым ходом. На верху самого крайнего контейнера, рискуя свалиться за борт, орудует наш боцман Сылка. Закручивает ломиком проволоку. Каково там ему? Это мы — в теплой рубке!..

Океан весь в белом сплошном кружеве. Вода заливает палубы. Ветер, кажется, достиг уже своей предельной силы. Он дует с норда, а у нас впереди еще двадцать четыре мили до горла Авачинской бухты, и надо пройти эти оставшиеся мили бортом к волне. А судно и так уже дало приличный крен на левый борт — смещение груза!

Палубная команда подкрепила груз: только бы выдержали тросы эту сумасшедшую пляску волн и ветра!

На крыле мостика, закутанный в шубу, с фотоаппаратом возникает Валера Золотарев. Наводит объектив туда — в снежную муть, на мерцающие, на виляющие над водой контейнеры.

— Ты чего это? — говорю Валере.

— Редкий кадр! — надо заснять для стенгазеты...

— Крен тридцать восемь градусов! — выкрикнул штурман Миша Сладков.

Сухогруз почти плашмя лежит на левом борту. Еще волна, еще небольшое усилие океана и тогда... Я знаю, что это называется "оверкиль!" Переворотверху килем...

— Самый малый! — командует капитан. И вся тяжеленная — всем существом ощущаю! — масса нашего сухогру-

за выравнивается, медленно вползая на новый пенный гребень океанского вала. Опять в разрывах снеговой круговерти мелькает близкий берег, зубчатые скалы, где кипит прибой.

Ползем, выгребаем, только бы суметь продвинуться под прикрытие скал, оторваться от циклона! Да что циклона! Начальник радиции Снетков принес, приняв тую из Японии, карту погоды: мы попали в столкновение аж двух циклонов. Один шел с Аляски, другой догнал нас от Хоккайдо...

Два часа камчатского времени. Побито, сумрачно, с креном на левый борт наш "Семашко" входит в горло бухты. Царапает борта лед, но уже не качает. Прибавляем ход. И я уже перевожу дыхание: дошли! И тут резкий голос капитана:

— Стоп, машина! Задний ход!

Сладков рванул ручку телеграфа.

Черное густое облако, внезапно возникшее из белой, уже поредевшей мути, вырастая над носом судна, хлынуло навстречу, с шумом обтекая рубку...

— Глупыши-и... — капитан покачал головой, провожая взглядом стаю птиц, — думал на пароход какой прём... Всю жизнь вспомнишь в такие моменты...

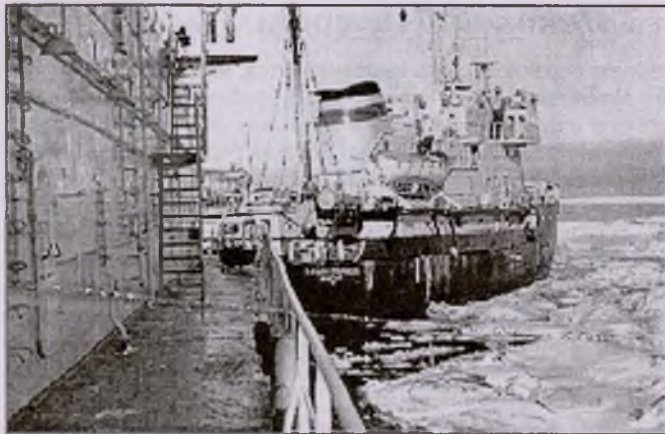
Потом я написал:

*Спасительная бухта,
Земля со всех сторон.
И не трепал нас будто
Лишь час назад циклон.
Не поддавал по скулам,
У бездны на краю,
Прожорливой акулой
Не скалил пасть свою.
Конечно, в океане,
У крепкого руля,
Я знал, что не обманет
Земля. Моя земля!
Я верил ей по праву —
Домам ее, дворцам,
Ее шелковым травам
И стойким деревьям.
Они меня взрастили,
Они меня простят,
Они и на могиле
Моей прошелестят...*

*Нептуну был назначен я —
И возгордился малость:
Мне в этой должности,
друзья,
Работать не случалось.
Но я управился, как мог,
Без суеты и крика,
Как молодой,
но твердый бог,
Всея морей владыка.*

Праздник
Арктического
Нептуна
в Чукотском
море

Проводка "Северного сияния-04" сквозь льды Арктики

С индусами. Приветливый народ. Снимок на память

* * *

ТУЗЕМКА

Под одежкой плоть тугая,
Взоры — тайна и глубина.
Босиком по камням ступая,
Как победно идет она.
Кто она? Из какой там касты?
Или диво явилось мне?
В стороне от толпы цветастой,
От сородичей в стороне.
Не славянка во чистом поле,
А туземка во цвете лет!
Обезьяны в ветвях магнолий
Восхищенно кричат ей вслед.
Я и сам от любви сгораю,
Фантазирую на ходу.
Вот уж мысленно догоняю,
Целомудренно обнимаю,
На горячий песок кладу.
Над Бенгальским заливом вёдро,
Бирюзовая гладь воды.
Жаркой близостью ходят бедра,
И прибой поощряет бодро
Наши сладостные труды.
Отгорели и снова вспышка.
Над заливом летят века...
Шепчет пламенно:
"Мой мальчишка!"
Завершаем свою интрижку
Аж на острове Шри Ланка.
Зной и нега в тени акаций.
И туземные спят вожди,
Никаких тебе пертурбаций.
Говорю я:
"Хочу остаться!"
"Нет, нельзя, морячок, иди!"
Ухожу я. Муссоны веют.
Вот-вот хлынет сезон дождей.
От Коломбо и до Кореи
Буду думать, как золотеет
Тесный пламень ее грудей.
1993

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕМА

Ключья пены срываются с мокрых
тамбучин,
Будто шторму подкинули
в толпу деревьев.
Сквозняками Ла-Манша
простужены тучи,
В зябком Северном море идет бусенец.
Вот и все — началась европейская тема:
Дует ветер химический с Эльбы-реки.
Ждет нас Кильский канал,
ждет причал Флиссингена,
В эмигрантских лавчонках
нас ждут маклаки.
Это те, что давно в свои тайные ложи
Пронесли робеспьеров кровавый топор,
И в семнадцатом, вырядясь
в черную кожу,
Развязали безжалостно красный
террор.
Это с тех похорон еще — пышности
царской,
На костях и на бедных
крестьянских гробах,
Возвеличен был ими портной
Володарский,
Накроивший смирительных
тесных рубах.
И когда в них вели нас на скорбную
плаху,
Низводили до нищенской скудной сумы,
1988, Северное море

Верховодил все тот же кагал
авербахов —
На Лубянке, в управах глухой Колымы.
За баланду, за смертный отрез
коленкора,
За святую идею — жила бы страна! —
Мы месили проклятый бетон Беломора,
Им Калинин в Кремле раздавал ордена.

А теперь они лгут, что к делам
непричастны,
Торопясь во вранье — кто кого
переврет.
Сколько их советологов нынешних —
гласных,
Сочиняют доносы на русский народ!

Но трудней им приходится,
рыцарям рынка,
Ведь все меньше слепцов,
что не помнят родства.
Наконец-то, и в недрах
российской глубинки
Прозревать начинают и чудь и мордва.

Пашет волны форштевень,
просевший от груза,
Ждут Марсель нас и Гамбург,
и ждет Роттердам.
Жму рабочую, честную руку француза,
Жму — голландцу. А этим руки
не подам...

Сингапур.
Рейд.
Поехали на
катерах в
увольнение

...А в Сингапуре мы с моим другом Валерием Золотаревым (справа) "взгромоздились" на уличного рикшу. Малаец-рикша что-то настойчиво вбивает нам в голову, наверно, то, что советским морякам нельзя использовать рикшу в "целях эксплуатации". Впрочем, я и сам знал сие, не зря ж фотографию эту прятал подальше от глаз помполита...

* *

МАРИИ

*Что вздыхаешь, грустинку тая?
Нам обоим от жизни попало:
Строил замки воздушные я,
На земле ты очаг сохраняла.*

*Если завтра — глаза в небосвод!
Я умчусь за звездой вдохновенья,
Ты проводишь меня до ворот,
Обещая любовь и терпенье.*

*Отштурмуют мои корабли
И вернуться к причалу победно.
Как дочурки, скажу, подросли!
Ты слезинку смахнешь незаметно.*

*Не прожить без утрат и потерь,
Но светлы наши звездные сферы —
Те, что ловкие люди теперь
Принимают за блажь и химеры.*

1984, Индийский океан

Из аннотаций к книгам

"Снега Самотлора".

(Москва, издательство "Современник", 1975)

...Стихи Николая Денисова идут от живой жизни, в них много настоящих находок, поэтических открытий, живых, найденных деталей, художественных подробностей: "Трактористы полные ладони полевой прохлады принесли", "Спит пила, завернутая в тряпку, и сияют щеки топора", "Сеновал приготовил постель, и в ограде, напротив окна, из бадьи, что поднял журавель, долго пьет молодая луна" и т. д. Такой лиризм, такое видение мира убеждает.

Михаил Львов,

поэт, руководитель семинара в Литературном институте.

"Стихотворения" (Москва, 1993)

Николай Денисов, на мой взгляд, самый активный и значительный из русских поэтов в сегодняшней Сибири. Он обладает сильным живописным талантом. Стихи его смелы мыслью, свежи чувством и выразительны своей простотой. Ему под силу в четырех строках взвихрить живой образ.

*...А со двора, откуда стужей свищет,
Из облака, из снега, от ворот —
Отец заходит, кнут за голенищем,
Конфеты городские достает...*

Николай Денисов — человек мужественный и пытливый. Он на судах торгового флота, в рабочем составе команды, обошел чуть ли не весь земной шар. В его путевых стихах дивно вспыхивали разные города и страны, но в мировом просторе он не развеял изначальной любви. Вот она, маета и верность русской души родине!

Александр Романов, поэт, публицист,
руководитель Вологодской писательской организации.

"Пожароопасный период"

(Шадринск, издательство "Исеть", 1993)

...Для меня Николай Денисов — вечно молодой, неистощимый яркий боец с несправедливостью и злом; человек доброй, щедрой, чуткой души, для которого нет горя чужого, нет беды сторонней; все, чем жив родимый край и его народ, все тревожит, волнует, будоражит поэта, удесятерять его энергию и силу в борьбе за Правду и Добро.

Тридцать лет минуло с того дня, когда я впервые встретился с Николаем — немножко угловатым, чуточку застенчивым, улыбчивым деревенским парнем, принесящим в писательскую организацию тетрадку своих первых стихов — прозрачно чистых, искренних и необыкновенно привязчивых. Он читал свои вирши глуховатым, срывающимся голосом, страшно волнуясь...

Он, как и прежде, молод сердцем. По-прежнему шагает по жизни с душой нараспашку. И все-то ему надо. И ко всему он неравнодушен. И чувствует он себя хозяином не только своего края, но и всей России.

Константин Лагунов,
писатель.

г. Тюмень.

Из беседы с поэтом Аршаком Тер-Маркарянном:

Николай, мы учились в самом замечательном вузе, единственном в мире Литературном институте, где в аудиториях этого Дома Герцена общались как с известными учителями-наставниками, так и со студентами — будущими классиками: Юрием Кузнецовым, Борисом Пимеровым, Анатолием Передревым, Николаем Рубцовым... После окончания института мы все разъехались по домам. Уехал и ты в свою суровую сторонку — Сибирь. Но мы внимательно наблюдали за творчеством друг друга. Веяло от твоих книг искренностью, теплом. Солнечным таким... Ты взял в Москве многое — культуру, знание классической литературы, поднабрался опыта работы со словом.

А сейчас, Николай, ты еще и редактор "Тюмени литературной", и прозаик, и общественный деятель. И — молодец, что стихи не оставил писать. За эти годы многие из наших сокурсников ушли в небытие. А я считаю, что настоящий поэт — это рыцарь без страха и упрека. К этому племени и тебя причисляю...

"Литературная Россия", № 14 (1990), 2001 г.

"За каждой строкой — конкретное..."

...Раскрытие национального характера и простота художественных средств, их разнообразие, владение лирической и национально-патриотической интонациями, мастерство пейзажа, живость языка, энергичный, богатый ритмами язык — все это можно отнести к достоинствам поэта Николая Денисова.

Его поэзия — это стремление оказать воздействие на русского читателя, на его национальное самосознание. За каждой строчкой стиха стоит конкретное, увиденное, реальное, существующее.

Станислав Ломакин,
зам. председателя Тюменского областного общества
русской культуры.

2002 г.

Стихи моих друзей

Александр Харчиков

ОКТАБРЮ 51-ГО

(Воспоминание о празднике)

Давайте сегодня, товарищи, снова
Припомним, как водится, славные годы,
Когда в Ленинграде на нашей Дворцовой
Встречали мы праздники нашей свободы!

..Дворцовая площадь в рассветах
багряных,
И красные флаги полощутся ветром,
И свежую краской сияют плакаты,
И крики "Ура!" дополняют приветы!

Над площадью Красною день полыхает,
Ликует столица у стен мавзолея,
С трибуны глядит на трудящихся Сталин,
С огромных полотнищ приветствует
Ленин!

Течет по Крещатику море людское,
Все краше с годами моя Украина.
Бок о бок славяне в веселье и в горе —
У древа могучего корень единый!

Встает над колоннами зарево стягов,
На серпе и молоте солнце сверкает,
Размерянным шагом, уверенным шагом
Могучая Родина прямо шагает!

Вперед неуклонно к высоким вершинам
Великий народ устремляется с верой.
Идут Ленинград за Москвою и Киев —
Их поступь слышна в самых
дальних пределах!

Разносят динамики звонкие речи,
Бульвары цветут кумачовым нарядом,
Расправив упрямые, сильные плечи,
Проходит Отчизна Октябрьским
парадом...

Давайте сегодня, товарищи, снова
Мы внукам расскажем про славные годы,
Когда в Ленинграде у нас на Дворцовой
Мы были от дикого рынка свободны!

Мы гордыми были совсем лишь недавно,
Мы жили в надежде — измены не будет!
Мы твердыми были и в малом и в главном,
Мы честными были, советские люди!

Так снова, товарищи, в наши отряды
Вольемся. Навстречу осеннему ветру
Шагнем, развернувши багряные стяги,
Приблизим грядущую нашу победу!

Октябрь 2001 года, Ленинград

**"В новой Расее, где все продается, и — совесть,
Выход один — Сталинград! И за Волгу — ни шагу!"**

Глубокоуважаемый Николай Васильевич!

...Когда осенью прошлого года я случайно обнаружила у Юры (у племянника. — Н. Д.) в библиотеке Вашу книгу "Стезя" с дарственной надписью и поняла откуда это знакомство (знакомство Южно-Американское — Н. Д.), я спросила: "Почему ты мне о нем не рассказал?" Он: "А ты не спрашивала". Вот так!

А написать Вам собиралась давно, еще до того, как узнала о Юркином знакомстве с Вами — с тех пор, как после 9 апреля 1998 года получила фотографии протестного митинга. Тогда только что вышел "Наш современник" № 3 с Вашими стихами и я, да и мое окружение настолько были ими покорены, потрясены, что решили: на митинг идем только с ними, Вашими стихами — на плакате! На митинге к нам подходили и говорили, что наш лозунг самый лучший, хотя интересных лозунгов было много. Кстати, такую же фотографию, что посылаю Вам, я послала С. Ю. Куняеву. Моя главная соратница по работе и по движению Людочка Климова (на фотографии она в белой шапочке) говорит, что образ из Вашего "Базара" — "Лучше б меня Филиппинского моря циклоны смыли за борт, растерзав под винтом сухогруза!" — не дает ей спать, а потом приходит во сне. Образ, действительно, потрясающий! Стихи, что в "НС", все великолены, а "Базар" — так просто маленькая поэма! Я на несколько лет старше Вас и тем более помню атмосферу конца 40-х, а у вас она передана — так просто с запахами, звуками, мироощущением и — всего в нескольких строфах! Я, в принципе, очень легко запоминаю стихи — 2-3 раза прочту и — в голове. А с "Базаром" вышло так: прочла 2 раза, впечатление — наповал, а запомнить не могу. А! — думаю — вот в чем дело! Взяла линейку, карандаш, разделила на строфы и тогда сразу ОН в меня переселился. Хотя понимаю, что "Базар" идет лавиной и строфирован быть не должен. Впечатление от Ваших стихов написала в "НС". Мне потом Казинцев говорил, что письмо мое впечатлило всех, а Куняев мне свою книжку прислал.

Ваши стихи теперь во мне навечно. Вот на автобусной остановке, или когда бессонница, читаю или очередную главу из "Онегина", или "Медного всадника", или Некрасова, или куняевский "Последний парад", или Ваши стихи. Теперь Вас знают и любят все мои друзья не только в Питере и Москве, но и в Красноярске, и в Ухте, и в Сыктывкаре, и в Донбассе. Жаль, что в Питере нельзя сейчас достать "Тюмень литературную". Раньше как-то еще иногда она попадала к нам. Я теперь ее читаю — Вашими заботами — у Юрки. Обрадовалась, что Вы опубликовали мою любимую Танечку Глушкову. Полагаю, что лучшие стихи о 93-м годе — а таких было немало — ее (да еще С. Золотцева). (Я ведь тоже участник событий и 3—4 октября всегда стараюсь быть в Москве).

Всего Вам самого хорошего, благополучия Вашей семье, творческих удач и успехов. И — за нашу Победу!

С глубоким уважением Татьяна Константиновна Баженова, доктор геологии, ветеран патриотического движения.

4 декабря 1999 г., г. С.-Петербург.

Николай Денисов

Базар

Из поэмы

Зимнее солнце багряно садится в сугробы,
Кипень поземки в окошке куделится, дышит,
Кинешь в печурку полешек березовых, чтобы
Было теплей. Через час уже горница пышет.
Станут у мамы мелькать за вязанием спицы,
Мыкать телок, и дымиться отца самокрутка.
Бог Саваоф будет мирно дремать на божнице,
Волк не застреленный вить за околицей жутко.
Хрумякают сумерки квашеной — в бочке — капустой,
Паром картошки исходит чугуна полведерный.
Соль на столе. А вот с хлебушком скудно, не густо.
Но доживем до целинной эпохи зазорной!
Вот еще годик, другой и — достаток вернется.
Сталин в Кремле, потому и не будет иначе.
Любо смотреть, как чухонец ложенный кланется
В дружбе к России... А "имайсер" на хуторе прячет.
Видно, и нас не минуют военные громы,
Глянь, "суверенов" повсюду расставлены мины.
Вот и евреям создали Израиль искомый,
Пусть себе едут и строят свои палестины.
Рубят жилье, комбинаты возводят и домны.
Только все чаще роятся чудовы слухи:
Сталин умрет, волонтерами "пятой колонны"
Вновь они вздыбят зловеющую гидру разрухи.
Слухи пока лишь... А вечер все длится. И длятся
Жаркие схватки, победы и горести — в книжке.
Вьюга в окошке, но — чу! Там в ворота стучатся!
Это цыгане. Вон — куча мала! — ребятишки.
Ну, заходите! Бывают "ташкенты" на свете!
С кучей подушек ввалили и радости ворох!
Батька семейства — две Красных Звезды
на жилете! —
Сразу, понятно, сошелся с отцом в разговорах.
Все поуляжется, стихнет к заре деревенской.

Утром, лишь свист, и умчат в свои дали цыгане,
После, потом приблизится в печали вселенской:
Ах, ведь могли, и меня полусонного — в сани!
Ах, ведь могли... И не знал бы "реформ" и "застоя",
Толком не ведал бы о поэтическом даре,
Честно считал бы, что время пришло золотое,
Вроде кацо продавал бы урюк на базаре.
Нет, миновало... На все, видно, промысел Божий,
Вдосталь и так нахлебались недавней Голгофы.
Вышел я в мир, очарованный утром погожим.
Кто тогда ведал о нынешнем дне катастрофы?!
Вышел я в мир. Из сугроба торчал конопляник.
Каждый забор был украшен вещуньей-сорокой.
Шел я и шел по земле — очарованный странник! —
Пашию пахал и в моря зарывался глубоко.
Мог бы и в космос! Но дел там не выпало срочных.
Парус поднял и прошел все порты знаменито.
Власть торговался на ярких базарах восточных,
Думал, о Господи, сколько лежит дефицита!
Вольные мысли... Бывали там — выговор, взбучка.
Главное — цел! И надев сингапурские "шкары".
С борта сошел: а в Отчизне такая ж толкучка —
Жвачка и "сникерсы", и вперемешку гайдары.
Сколько их сразу набухло во вражеском стане!
Враз продала нас кремлевская сытая свора.
Лучше б тогда уж меня умыкнули цыгане,
Лучше б утоп я в родных окуневских озерах!
Меченый дьявол и прочих мастей пустозвоны
Власть уж топтались на бранных останках Союза.
Лучше б меня Филиппинского моря циклоны
Смыли за борт, растерзав под винтом сухогруза.
Нет, миновало... Иная нам выпала повесть —
Наставать заново русскую честь и отвагу.
В новой Расе, где все продается, и — совесть,
Выход один — Сталинград! И за Волгу — ни шагу!
Дело уж к вечеру. Думы испытанной пробы.
Вот я, поживший, стою на краю тротуара.
Зимнее солнце садится в дома, как в сугробы,
Словно бы в ад, кровенеют ворота базара.

1997

* ПРОШЛИ ГОДА...

А это мы, Господи! Студенты Литвининститута. 1968 г.

Я помню день, московский первый день.
Литинститут. И стен его величие.
Мы шли туда из русских деревень,
Ловя ухмылки мальчиков столичных.

Мы состязаться с ними не могли
И восхищать поклонниц на эстраде,
Нам было проще грузные кули
Без лишних слов таскать на зерноскладе.

Что знали мы? Лишь сельскую страду
Да телогрейки, выжженые потом!
И вновь впрягались мы в черную работу,
Пока они шумели на виду.

О, мальчики! Хитер крестьянский ум:
Мы были к жизни пристальней и тише.
Где вы теперь? Я помню только шум.
А может, это дождь стучал по крыше?

За гаем

Рассказ

Наша бабушка Анастасия Поликарповна с внуками Александром, Николаем, Петром и правнучкой Ириной

Признал! Это Мухтар.
На окупёвском дворе

Друг детства и юности Толя Рыбин —
тоже тракторист

Ты уж проводи меня, батюшко, ко Григорию. Вот как чаю попьём, чашки помою и проводи. Я бы дак и одна дошла, как в прошлом разе, дорогу бы у ково спросила до фтобуса, а остальной путь — своим ходом. А теперь боюсь. Голову обносить стало. Вроде, ничё-ничё, сидишь, чё-нибудь делаешь, в телевизор смотришь, а потом как заобнесит, в глазах помушнеет и телевизеру не рада, не знашь куда детца, к чему прислонитца. Голову в платок замотаю, полежу, вроде, отпустит. Опеть бы чё делала, а чё делать? Нечево! Кровать заправишь, посуду какую грязную поишшешь, и опеть пучишь глаза... Ты уж проводи меня, батюшко, проводи. У Григория мне, вроде, как полегше. Оне поране вашего на работу убегают, меня, правда, стараютца не тревожить. Лежи, говорят, отдыхай. Воды, скажет, Григорий, я со споранку две фляги от колонки привез, дрова вон наколоты-наношены, возле печки костром лежат, половики на сугробе вытряс. И делать нечево, лежи... Как это так нечего? Дом-то свой, не казенная квартира, как у вас, заделье всегда найдетца. А как без заделья? Мы привышны в деревне. Бегашь, бегашь — конца-краю нет. Да чё я тебе говорю! Поди, не забыл сам, как росли, подымали вас всех на ноги...

Ну я у Зины-снохи попросила ишо рямок всяких, хахаряшек — платьишки старые, негодные, рубашонки: все лежит комом в кладовке. Пошто, сказала Зине, вы выбрасываете добрую одежду? Пол мыть можно какие похуже тряпки выбрать! Вот сижу теперь, стригу на ленточки, можно потом какие деряжки под порог сплести.

Она, Зина-то, сначала не соглашалась, да и Григорий возрызнул на меня: на какую холеру оне сдались тебе, мама, в магазине этого барахла, сколь хочешь куплю! Я сказала: ладно, мол, для горницы покупай в магазине, если богаты стали, а уж для сенок и под порог в избу сплету из рямя. Вы уж, говорю, сами век доживаете, вон ребятишки большие, из армии пришли, должны понимать: копейка какая лишняя есть, сгодитца...

Да вот и в ограду выйду, там Мухтар на грудь скачет. Чё, говорю, на цепь тебя посадили здесь, не жилось тебе дома в деревне? Отец-то отдал собаку, а потом и спохватился — неловко без собаки, другую привел. У Ивана Барышникова сучка ошшенилась, взял. Тоже Мухтаром назвал. Мухтар — и этот Мухтар. Радуетца, признает. Вынесу ему чё, покормлю, снег на крылечке голиком смету, ящик с почтой проверю: может, от отца открытка пришла и опеть — в дом. А он уж и выстывать начнет, примусь печки подтоплять, кастрюлю с супом на плиту поставлю. Пока то да се, суп греетца, дрова шшалкают, в телевизере поют, оно, глядишь, и солнышко

садитца. Зимой-то не успеешь повернутца и день прошел. Первым Грегорий стучит в ворота, — после дежурства ишо на базар успет слетать, с полнешенькой сумкой идет. Потом Володька, потом Валерка. Оба солдаты, да здоровушки каки вымахали! Не моргнешь, как женятца, опять свадьба. Вас-то всех переженили, своими семьями обзавелись.

А ты пошто, батюшко, редко к им заходишь? Ить братья! Подружней надо жить, поласковой друг ко дружке. Чё, говоришь, интилигенцией стал? В конторе за столом сидишь? Давно ли козанки на руках у трактора сбивал, приходил в мазуте, одне глаза да зубы сверкали! Ну ладно, сиди с бумагами, коль уж учење в голову пошло... Да ладно, сиди, я сама поднимусь, налью из чайника. И пряник возьму и печенюшку. Ты поискал бы по магазинам, может, где на яблоки натокасса. Домой поеду, надо яблок взять. Пожумелим с отцом, зубов-то уж у обоих не осталось. А от давленья яблоки-то помогают и, мне сказывали, рябина хорошо! А то в прошлом разе ты, батюшко, привез полсумки этих... Ага, лимонов, намаялась с ими. Попробовала — кислые, глаз рвет, чё, думаю, делать с добром? Бабушка Авдотья натокала нарезать паренками и сушить в печке на листе. Уж потом и поругал меня отец ваш, уж и повывставлял. Такое добро, говорит, перевела! Чё смеешься? Откуль мне знать, у нас их и сроду не завозили никогда. Охо-хо-хо! Тяжело с вашим отцом стало. Уж оба не молоденьки, обо мне и вовсе говорить не стоит: потолкусь возле печки и падаю на софу. А у его в последнее время нога за ногу запинаятца, а все метитца орлом выглядеть. Орел с вороньим пером! Ладно потаскал он меня за собой по белу свету! Дак ить молодые были оба. Только-только в колхоз заступили, кобылу Буланиху отвели на коллективный двор — от ее потом весь приплод в колхозе пошел, — обжились маленько, а ему вожжа под хвост в тридцать втором году попала: поедем на Магнитогорское строительство. До станции Петухово, как придетца, где на подводе, где пешком, добрались, устроились в вагон, поехали. Года два всего и проробили, а ему опять нейметца, поташшил меня в Кировград. — Колотой раньше называлса, — медеплавильный завод подымать. Грегорий-то уж подрастал, потом Шурка родился. Я, правда, робить не бросила, в столовой на раздаче устроилась. Полегче было. Потом опять снялись на ново место, с новова места — домой к себе. Потом — война...

Зина мне и приговаривает: месяц погостила у нас, живи хоть сколь! У нее порошков, таблеток целая коробка, она, чисто врач, все знат. Ко врачам меня тоже водила на уколы, на прогреванье. Одна женщина-врачиха послушала, посмотрела: сердце, говорит, у тебя хорошее, только надцажена вся. Спрашивают: ты, бабушка, из деревни? Из деревни, отвечаю, откуль мне быть? Легше мне стало. Рецептов навывписывали, пью лекарства, по три раза в день принимаюсь. Зина наказывает, ты, мол, легулярно принимай, мама, пока мы на работе... Уж ты проводи меня до фтобуса. Пожила бы у тебя ишо сутки, да и других сыновей надо не обидеть. Да и

девчонки твои шибко карахтерные и вольные. Чё ты их не приструнишь? Мы же вас в строгости держали, а ничё, вырастили ни калеками, ни уродами. Не давай им потачку. Старшая дак прямо — звезда, ни в чем на уступки маленькой не идет. Поначалу все возле меня, возле меня. Рассказываю про корову Зорьку, про бычишку Борьку, про борова, про куриц, она же помнит — с шести месяцев ее вынянькала, молоком топленным с пенками кормила. А теперь уж голой рукой не бери ее, в школу пошла. Младшая — тоже вырви глаз! Из-за кукол разоспорили. Я советую им, нельзя, вы обе сестры, подчиняйтесь друг дружке. Шум устроили, заревели обе. Я говорю, кукол у вас целый угол, отец с матерью набрали, а им одна глянетца... А у меня нервы, в голову ударило, повалилась на диван... Вот убежали недавно к подружкам, этажом выше. Мы, говорят, там поиграем, бабушка, пока мама с работы вернетца. А чё она не вернулась? Чё она до поздна? Ты пришел чин чином, а Маруси нет! На собрание, говоришь, осталась? Ну ладно тогда. Однако я не дождусь, хотела повидатца. А то мы утром на дороге у вашего дому сошлись на ходу, я ее и не признала. Гляжу, подходит женщина в дорожную доху одета. Говорю, ты чья будешь? А она: ты чё меня, мама, не узнаешь? Батюшки, Маруся! Хорошо хоть тебя дома застала, а то шлепай обратно. Да и не чё, я бы к самому малому, к Петрушке ушлепала. Дом его теперь уж найду, бывала. А то первый-то раз принялась самостоятельно искать, мне бы натокатца спросить у ково, а я вылезла на остановке и побежала. Бегу и бегу, дом двенадцатипятиэтажный высматриваю. Убежала к заводу, далеко. Остановливаю женщину, спрашиваю: Воровская улица где находица? Она рассмеялась и показывает в обратну сторону. А у меня уж метлячки в глазах. Побежала обратно... Как ты ее называешь: Воровскова? Ну да я не грамотная я: воровская и воровская...

Хороший у тебя чай. Индейский, знать? Не индейский? Все равно добрый, заваристый. Мы с отцом из самовара тоже не пьем. Чайник купили со шнуром. Анна-продавщица навеливала: купи да купи. Взяли... Ты когда поедешь к нам, смотри нечё лишнево не вози, яблок разве, да дрожжей хлеб стряпать, все свое пока — молосное. Корова дохаживат, в феврале отелитца. Отец пока кормит, доглядыват. Ладно уж до осени додёржим, а там сдадим. Может, и правда к вам переехать совсем? Я бы уж и рада, надоело чугуны из печки в печку таскать, да он, холера, ни в какую! Не бросишь же, век прожили вместе! А вот гордитца, что ись и слова в последнем письме не написал: ворочайся, мол, обратно. Я бы, конечно, все личенье бросила, полетела обратно. Ладно уж, поживу ишо с неделю, пока корова дохаживат. Поживу. Зина опять собралась ко врачам сводить на процидуры. Да у Александра надо хоть ночку ночевать, с робятишками повидатца...

Обожди-ка, знать, кто-то в дверь постучал. Девчонки скребутца, или Маруся пришла. Не подымайся, сама открою. Я сама... Ой, знать, хватитца меня Грегорий нонче: уползла и не вернулась. Уползла и...

Евгений Вдовенко**ВЕЛИКОРОССЫ**

Николаю Денисову

Помнишь, Коля, в молодые годы,
где я тоже не был стариком,
наши по Оби с тобой походы,
сердцем — к добрым людям
прямиком.
Что таиться, мы там и пивали,
и стихи читали под уху
на песках, сорах, лесоповале,
как перед Всевышним на духу.
Как мы жили, Коля, как мы жили,
хоть и были деньгами бедны!
За любовь за нашу нас любили
дочери России и сыны.
Может, что забуду, но не скрою,
помнишь на Оби тот катерок,
где от пуза, черною икрою
обкормили нас на долгий срок?..
Я и до сих пор, ведь, к ней
с прохладцей,
к этой черной, к этой дорогой,
как к одной чуть не из провокаций,
к чести же — со стороны
другой....

А потом тайгою по железке
мы с тобой в Советский добрались,
что и стал мне родиной советской
на теперь оставшуюся жизнь...
Вот ведь как бывает, Коля,
вот ведь!..

Ты — редактор, прозой оброс,
я все лето в сапогах болотных
и тайге не меньше свой, чем лось.
Как и прежде, но с деньгой
не густо,

и ни с тем, что требует курсак,
но зато в душе всегда не пусто
я и вновь зовусь теперь казак!
Сам, не кто-то, возвращаю волю,
сердцу в такт и новым временам,
и уверен даже: не позволю
никому мешать ни мне, ни нам!
Ну, а то, что было между нами, —
лишь цветенью летнему под стать,
как мы дружно жили куренями,
не боясь от времени отстать.
Молодость ушла в свое преданье,
творчество нашло свои сердца,
хоть не все, конечно, мы издали,
даже не прозрели до конца...
Главное, что нет уже вопроса,
кто мы, подчиняемся кому?
Мы — два друга, два Великоросса,
но народу служим — одному!

1994, п. Советский

Поэтическая изба в Кармаке. 1983 г.

Сергей Лыткин**У ДЕНИСОВА В КАРМАКЕ**

*Деревушка вблизи Тюмени,
Где березы и тополя...
Перед нами на обозренье
Не фамильное чье-то именье,
А общественная земля!*

*Мы идем Кармаком степенны,
Трое — выходцы из крестьян.
Землепашцев взыграли гены!
Остальное — налет и пена,
Остальное — пустой бурьян!*

*Я сто лет не бывал в деревне
И готов услужить, поверь,
Деревенской — в шали —
царевне:*

*Как послушен светло и древне
Ей колодезный журавель!*

*В общем, здешний пейзаж,
что надо!
Неприметная в Кармаке,
Вот денисовская ограда,
Никакого тебе парада,
Домик крохотный на замке.*

*Во дворе — мотоцикл
с коляской,*

*Да синицы, да воробьи...
Будто вышли из русской сказки
Эти окна, эти салазки,
В куржаке все — друзья мои!*

*Нам хозяин дверь отпирает,
Мы с морозом несем дрова.*

*Вот печурка уже пылает,
И коньяк на столе играет
Цветом солнечным —
торжества!*

*Понемножечку разместились,
Как приличествует гостям,
Потихонечку угостились,
"По единственной"
причастились,
Рады всяческим новостям!*

*Нам Денисов стихи читает,
Мы пока не кричим "ура", —
Наши губы с мороза тают,
Наши души предпочитают
Все вобрать в себя до утра.*

*На пустое не отвлекаться
(Благо наш графин не пустой!).
За здоровье крестьянской
нации!*

*По какой такой облигации
Пал нам выигрыш золотой?*

*По какому святому делу
Одаряет нас, грешных, жизнь?
Хорошо и душе и телу!
Кто-то близок уже к пределу,
И жена не гремит: "Сдержись!"*

*Свицут жизненные метели...
У судьбы слепой в кулаке,
Неужели мы, в самом деле,
Позабудем, как песни пели —
У Денисова в Кармаке?!*

1983 г.,

Тюмень — Кармак — Мегион

* Стихи моих друзей *

Владимир Архипов**ЗА ЧТО Я
РОДИНУ ЛЮБЛЮ**

Песня

За что я Родину люблю?
За что я вместе с ней страдаю?
И каждый вздох ее ловлю,
И слезы горечи глотаю?

Россия, Русь, пора вставать,
Пора прогнать лихого зверя!
Тебе рабю не бывать!
Тебя спасет святая вера!

Опять поруган и гоним
Народ мой! По какому праву?
А кубок славы перед ним
Наполнен злобною отравой!

Не взяли пулей и штыком.
Проникли в праведную душу.
Но никогда в краю родном
Не будет враг святыни рушить!

Россия милая, живи!
Иди дорогою державной!
Сынов своих благослови
Вернуть Руси былую славу!

Скажу и мертвым и живым,
Скажу я Родине любимой:
Наш русский дух несокрушим,
Святая Русь — непобедима!

г. Краснодар

Александр Кердан

* * *

Господа, не стреляйте в поэта,
Как бы сам на рожон он не лез...
Вдруг к балладам его и сонетам
Не угаснет в веках интерес?

Пусть он слыл скандалистом,
гулякой,
Ну а вы были тише травы,
Позабудут потомки, однако,
Чем он жил, и зачем жили вы,
Почему вы его не любили,
Сам он вас не любил почему...

Но и тем, что вас вместе забыли,
Вы обязаны только ему!

г. Екатеринбург

Леонид Вьюнник

* * *

Курилы. Море. Шторм. Край света.
То солнцепек. То бурелом.

Поэты —
баловни планеты —
Сидят за праздничным столом.
Туман,
как мох в низинах,
толстый.

Луна залита сургучом.
Сидят поэты —
зреют тосты —

Им все на свете нипочем.
Пусть беден стол,
Но сказка-скатерть
Готова в праздничный полет...
Поэт,

как золотоискатель,
Он то рыдает, то поет.

г. Москва

Слева направо: В. Архипов,
В. Жорник, Н. Денисов

Геннадий Сысолятин**СОСЕДИ**

...И чем мне досадить уже не знают.
И не дает покоя их афронт.
Их каждый год идея озаряет
Одна: "А повторим евроремонт!"
Без надобности рушат пол и стены,
Лишь наши сотрясались бы мозги.
Соседи и богаты, и надменны,
Иудины, конечно, земляки.
Им можно и не очень осторожно
Греметь, свергая что угодно вниз.
С таким народом связываться сложно,
А свяжешься, завоют: "Шовинизм!"
И наши не заступятся за брата,
В которого вцепился тот кагал.
И тут я понимаю Арафата,
Я будто сам к Шарону в плен попал...

2003 г., г. Абакан

Виктор Жорник**ПОЭТИЧЕСКАЯ НОЧЬ**

Спят бродяги и спят алкаши,
Отдыхают в раю демагоги.
Лишь поэты проходят в тиши
Вдоль большой и опасной дороги.

В их сердцах и надежда, и грусть,
Боль людская — вся наша планета.
Вечность шепчет стихи наизусть,
Повторяет их сердце поэта.

Краснодарский край

Владимир Фомичев**РУКИ МАМЫ**

Руки мамы похожи на корни
Векового смоленского леса.
Узловаты. Сильны. И упорны.
Сколько сделали в жизни полезного!

Эти руки пахали, косили,
Коноплю семижильную мяли.
Я целую вас, руки России,
Те, что к звездам её поднимали.

г. Москва

Аршак Тер-Маркарян

* * *

Летят года, как чаек стая.
Четыре года — рябь небес...
Суда уходят,

оставаясь
Большой тоской
в глазах невест!

И на земле хватает горя,
Опять в причал
без лишних слов,

Как почтальон
стучится море,

Неся
конверты
парусов!

г. Москва

Владимир Волковец

* * *

Ночь стоит на полуслове,
полумысли,

Как стихи, что я оставил
дозреть.

Были строки полуночные
да выжили

То ли в поле, то ли к речке
погулять.

Сколько времени пропето
и пропито,

Поразбросано, попробуй, расскажи.
В небе светит искра божия —

спасибо,
Не дает терпеть ни подлости,

ни лжи.

г. Советский,
Тюменская область

Слово свободного певца!

Уважаемая редакция! Сердечно поздравляю Николая Васильевича Денисова с присуждением ему звания лауреата Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка! Рассматриваю сей факт как знамение времени, как возвращение способности видеть великое и нуждаться в нем. На фоне критической опустошенности Русской цивилизации трудно не заметить звезду Денисова.

Все те, кто могут генерировать лучшее в сознании своих соотечественников, источать живительную силу Правды, хранить и передавать Дух Христов, составлять образец высокой нравственности и пример духовного подвижничества, последовательно и настойчиво отсекались от своего народа, подменялись ложными авторитетами, убиенные и оклеветанные национальные вожди подставными поводырями... Древний прием врагов света и святости, распинателей России. Тем паче дорого лауреатство нашего литературного труженика, когда новые захватчики изо всех сил пытаются исказить, а чаще и уничтожить и представление о подлинном творческом, интеллектуальном и духовном потенциале России, убеждая тем самым мировое бандитство в неизбежности разделения человечества на безбожную элиту и, желательно, однородное по массе быдло, то есть задымляя окончательно главное противоречие социальной реальности — противостояние и борьба сил зла и сил добра.

Отстранение нас все далее от корней религиозно-самобытного древа и миссионерского предназначения действительно превращает людей в чудовища, соответственно нравственным условиям жизни. Противоестественная культурной традиции реальность — спланированная провокация к самоистреблению и собственно российских народов (ужасает даже официальная статистика смертности и вырождения). К счастью, 12-летняя война с православной нравственностью и Русской идеей не сломили наш менталитет, — люди уже многое поняли и прочувствовали, не желая влезать в эпоху новых холуев и старых предателей Отечества и Веры.

Всероссийская премия Русскому поэту — настоящее Божье чудо в наше-ненаше позорное время! Захваченные СМИ нас убеждают в обратном, но когда стыд пронзит всех и каждого, как Поэта Денисова, сохранившего душу и человеческие качества в эпоху извращения и сути самой жизни, тогда только Господь благоволит нам из состояния массового прельщения и самообмана. Наша земля богата великими людьми, как бы их регулярно не истребляли, и это святое плодородие предопределено Богом и обусловлено героизмом предков. И чем трагичнее и дурнее складывается очередной этап социально-политической обстановки, тем громче голос русской совести и призыв к исполнению священного долга перед Родиной. И Денисов — тот Божий посланник, в слове которого нуждаются миллионы; это слово свободного Певца, не предавшего пути России, не поврежденного массовыми пороками и нововведенными соблазнами и обязательными поклонениями сатане. Душа его болит от понимания глубины и масштаба национальной и государственной катастрофы, и это та боль, которая усиливает свет его чистого сердца и мощь его сибирского духа.

Читайте Денисова! — это не стихотворные ребусы и мозаики, не авангардистская белиберда, не плод воспаленного воображения, модные в среде безликих вырожденков и духовных мутантов. Поэзия Денисова близка и понятна любому, еще не способному что-то понимать на руинах великой России и думать о завтрашнем дне своих детей и внуков, готовиться к отчету на Страшном Суде Божьем!

И одного таланта для этого мало — надо уметь слышать Голос Божий, молитвы мучеников за Веру истинную, воинов,

положивших жизни свои на поле брани, плач матерей, скорбь стариков обманутых... стон самой Земли Русской от ига паче прежних злейшего!!! Только от христианского сознания и покаянного состояния немощной души могут рождаться слова, наполненные родным духом, общей болью, единой целью.

Конечно, нельзя не сказать и о трепетном отношении автора к поэтическому слову и образу, щепетильности профессионала, его глубоком понимании болезни общественного организма и тонком народном юморе в отражении автора..., но сегодня, на мой взгляд, эти характеристики уже вторичны. Главное — исполнение святой Воли Божьей, своего земного предназначения, осмысленное служение вечному. И Николай Васильевич подтягивает нас к Главному.

Даже при наличии всех оснований и поводов я не склонен теперь восторгаться ни авторским неповторимым стилем, ни высотой слога и его энергоемкостью — этого не отнять. Важнее для меня его правильная оценка действительности (при всей ее нарочитой запутанности), точность и доступность языка, скромное присутствие автора даже в подтексте произведений... Давно убежден, что о таланте можно говорить только в формальном контексте анализа труда, — подлинные тайны его плодов (как и Евангелие) открываются настоящей душе. Да, при всей простоте текста до сердцевины стихов надо дострадать, — тогда они станут лекарством, ответом, другом, оружием...

Книга Денисова — это Дар Божий, автору — за честное преодоление испытаний и безостановочное несение креста своего, нам, читателям, — как вспомоществование в наших поисках Истины и собственной Отчизны, за которую мы в ответе! Сам Господь чрез Поэта дарует нам живые цельбосные слова, прозрение и силу, утешение и оптимизм, смысл страданий и вероятность объединения... Хорошо видны картины раздолбанного русского мира как фрагменты русской души...

Не эстетическое наслаждение для аристократически-обывательской публики, но Откровение Божие и руководство к размышлению и чувствованию — поэтическое творчество Николая Денисова. Когда же Наши, Совестьливые, к власти придут, чтобы школьников допустить до Русской поэзии 3-го тысячелетия? В ней — духовно-нравственная основа будущей России. На теледуриках и видеораствителях великой России не построят! Наберется ли десяток таких Денисовых, взявших духовно-литературную высоту, заданную иеромонахом Романом, тысячи и тысячи вернувший своим напевным словом к Истокам, к Матери-Церкви, покаянью перед Богом и своим народом, поднявший на защиту наших Православных ценностей и святынь уже до крове... Иеромонах Роман, Новый сладкопевец земли Русской — более пророк и наставник для народа заблудшего нежели писатель и певец, т. к. это запредельная вершина поэтического достижения, если оценивать по плодам, влиянию и значению, а не чье-то косвенное, хоть и авторитетное мнение.

Этим же, праведным путем идет и Денисов, и тот примерный десяток, дай которым допуск к СМИ, пока контролирующим князем тьмы, — и Россия преобразилась бы в считанные дни, освободившись от теленаркотиков и чуждого духа вещания, псевдоискусства и откровенной лжи... Слава Богу, что мы еще продолжаем тянуться к Свету, убегая от мрака неведения!

Не удержаться от цитирования, хотя все у писателя равноценно и глубоко. Ну вот, например, в «Стезе» Денисова есть один лист (283, 284 стр.) с двумя стихами по сторонам: одно заканчивается «взором», другое — «взглядом» реальных персонажей, конкретных людей: Хаима Фаича и Николая Рубцова...

*Вот он скорбно бредет по селу
В живописном немислимом горе.
Вот, как Яхве, мерцает в углу —
Со зловещей звездой во взоре.*

(“Хаим Фаич”)

*Он знал и сам: легенды — ерунда,
А есть стихи о Родине, о доме.
Он знать-то знал — взойдет его звезда,
Но грустен взгляд на карточке в альбоме.*

(“Вспоминая Рубцова”)

Две судьбы в одной стране. Две философии. Две полярные религии: один страдает, что у народа русского меньше стало горя после войны, — и прибыль от самогонки упала, а страдание другого, русского сердца, вообще не объяснить. Но сколько же в этом нравственном диссонансе вселенского трагизма, несправедливости, непримиримых противоречий, неотвратимой печали, глобальной и бесконечной духовной несовместимости!

Поэтическая жизнь в таком диапазоне чувств под силу только избранным угодникам Божиим — простым сердцем этого не вынести! На Руси не может быть мало поэтов, но поэтов-тяжеловозов — единицы на век. И они — предвестники утяжеления народной жизни, если мы сообща не начнем поворачивать свои оглобли к Богу. Чтоб заметить в них Кресты спасения. Читать, конечно, Денисова, без домашней медпомощи, порой, как и Рубцова, невозможно, но ведь реальность более противоречива и драматична, скорее даже, апокалиптична!?

Да, ныне все честные российские литераторы празднуют победу, свою боевую победу над антихристом-оккупантом, собирающим дань маловерными и невоцерковленными душами. Русская литература XXI века начинает давать всходы на оскверненной и отравленной российской почве. Не удалось врагам Русского, традиционного, классического, светлого заставить нас жить в стиле бесноватых холуев и новоиуд! Россия снова и снова поднимается Роточком, пробивающим асфальт чернухи... Сила его — в бесповоротном выборе каждого и бескорыстной решимости постоять за дело Правое. Слава Богу, наши предки сделали Правильный, Православный Выбор, и обильно окропили его своей святой кровью, чтоб мы не заплутали... Так что же мы топчемся у себя Дома!? Смятение и страх не к лицу потомкам-христианам! У нас нет дурных помыслов, а порученное Дело — Святое некуда. Добро и Правду Божию отстаивать на земле опять некому! Кроме нас... Денисов — живой пример современного русского образа жизни и борьбы за Торжество Православия, победы человечности над скотством.

Многая ему лета и великих плодов творчества во спасение душ, во славу Святой Руси! И на радость многим, которой так не хватает в жизни, но которая присутствует и дарит надежду на лучшее. Поэт от Бога и прекрасный Человек, такими людьми продолжается великая литературная Россия! С неиссякаемым источником ратного духа и готовностью отдать свою жизнь за самое Святое, что сохранено на этой грешной земле только Русскими сердцами. Душа и лицо Денисова открыты ветрам, Божьему Оку и смерти презренной, побежденной Воскресением Христовым. Денисов словом своим уже вступил в вечность. Да поможет ему Господь произнести несказанное, паче хлеба ищущее народом испорченным и ослабленным нашим, и благодатные плоды спасительного Сотворчества уготоваят и ему, истинному патриоту Отечества, место в Царстве Небесном!

Святый страстотерпче Николай, великий чудотворче и святитель Николае, и вси святии в земле Российской просиявшие, молитесь Бога о верном рабе Божьем и достойном Сыне России Николае Денисове со чадами, и всех православных христиан. Господи, освободи Родину нашу от врага хитрого, лукавого и коварного! Пресвятая Богородица, спаси нас! Аминь.

г. Полевской,
Средний Урал

о. Владимир (Ермолаев),
декабрь 2002 г.

Никола Можайский из церкви села Локче

Иеромонах Роман

ПОЭТУ

*Ты взял перо. Надумал стать поэтом,
Чтоб миру показать свой бриллиант.
Сначала рассуди, твое ли это?
Быть может у тебя другой талант?*

*Поэзия — подобие моления,
Удел ее — к Святому возводить.
А без творца, — прими остереженье,
Ты станешь вытворять, а не творить.*

*В служеньи слову многое двулико,
Есть крайности — пророки и шуты.
Не выставляйся пред толпой великим:
Написанное выявит, кто ты.*

29 апреля 2001 г.,
скит Ветрово

Служебная характеристика на старшину 2-й статьи Денисова Николая Васильевича 1943 года рождения, члена ВЛКСМ с 1958 года.

Старшина 2-й статьи Денисов Николай Васильевич за время прохождения службы в Советской Армии зарекомендовал себя с положительной стороны.

Честность, трудолюбие, корректность — отличительные черты Денисова Николая.

В военном деле подготовлен отлично. Награжден нагрудным знаком "Отличник ВМФ". Имеет ряд поощрений от командования.

В настоящее время является командиром отделения. Грамотно, методически правильно обучает и воспитывает подчиненных.

Физически развит хорошо. Является спортсменом-разрядником.

Николай Денисов

* * *

Он там остался —
за порошами, —
Тот гарнизон в судьбе моей,
И скрип ботинок неразношенных,
И лейтенантских портупей.
И версты марша надоевшего,
И штык, примкнутый наголо,
И месяц, как заиндевевшее
Противогазное стекло.

И шутки ярые, рискованные
О том, что "дембель" впереди,
В морозном паре клуб-столовая,
Команды:
— Стройся! Выходи!..
Там мы звались морской пехотой,
Там командирский бас звучал.
Там понял я, прощаясь с ротой,
За что я в мире отвечал!
1977

Условия военно-походной службы переносит хорошо.

В общественной жизни подразделения принимает активное участие. Является участником художественной самодеятельности и членом редколлегии стенной газеты. Стихи ст. 2-й ст. Денисова неоднократно печатались в стенной газете и боевых листках.

Военную и государственную тайну беречь умеет.

Делу Коммунистической партии Советского Союза предан.

Секретарь партийной организации роты лейтенант Купреев.

Примечание Н. Д. Эту единственную "рекомендацию", написанную в 1964 году моим комвзводом Александром Купреевым, представил я при поступлении на заочное отделение Литинститута им. Горького (очное тогда было закрыто Хрущевым). Нас, москвичей, а служил я в Главштабе ВМФ, набрал в свой семинар Лев Ошанин.

Потом был в семинаре Виктора Бокова, Егора Исаева. Выпускался из вуза Михаилом Львовым.

Тельняшка и флотская форменка — примерил недавно! — будто бы еще в пору?! Хоть завтра — в бой иль на парад?! Нет, уж лучше на парад! Тем более, что к знакам воинской доблести кой что прибавилось за годы, есть чем позвенеть в парадном строю. А в атаке пусть по-прежнему ведут рифмы, строки, метафоры!

Н. Д.

Владимир Топоров

Дорогой мой друже
Коля Денисов!
С Новым годом!

Мы, как дворняги, годы метим,
Чтоб их потом назвать Судьбой.
И вот в году две тыщи третьем
Уже опасен нам запой.

Где вы, мечты?!
Болячки — факты.
Что кровь остыла — тоже факт.
И даже половые акты —
Подчас капитуляций акт.

Смирны в семейных клетках тигры,
Клыки источены давно.
И все слова уже, как титры,
К неповторимому кино.

Что слава? — детская забава,
Когда внимают все нутро
Рекомендациям Минздрава
И Гидрометеобюро.

Но станет Новый год вином
Тому, что тянется рука
Тряхнуть веселой стариною —
Навроде пыльного мешка!

И пыль пустить всем полупьяным
В глаза: гляди, какой орел! —
Он во владении стаканом
Высокий статус приобрел.

Хмельную праздничную чашу
Со мной синхронно подними!
Сломаюсь, но тебя уважу, —
Не посрамлю я дружбу нашу,
Будь добр, и ты не посрами!

Р. С. Надеюсь, тем не мене, в две тыщи третьем пить в Тюмени!
г. Москва.

Жить стоит только тем, за что стоит бороться и умереть.

*Иван Ильин,
русский философ*

“На берегу пустынных волн...”

Финский залив. Май 2002 года

**Адреса для возможных приветствий
и поздравлений юбиляру:**

625018, г. Тюмень, Дом Советов, “Тюмень литературная”,
до востребования. Или: 625051, Тюмень, до востребования —
Н. В. Денисову. Друзьям известен мой домашний адрес.

Николай Денисов

**"Однажды пасмурно и кротко
Я возвращусь домой один..."**

**Старенький домик моих родителей в Окунёво.
Полянка, где когда-то прошло детство моё.
Здесь давно уж живут другие люди...**

Июль 2002 года

**Тюмень
Литературная**

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов,
коллектив редакции.

Газета зарегистрирована Министерством печати
и информации РСФСР 29.10.91 г.
Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции,
Ханты-Мансийская писательская организация, област-
ное общество русской культуры, объединение рус-
ских кадет в Венесуэле и США.

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати»
комитета по печати и средствам массовой инфор-
мации Курганской обл., 641870, г. Шадринск,
ул. Спартака, 6. Подписано в печать 30.03.2003.
Тираж 500 экз. Заказ № 2127.

Цена свободная.
Компьютерный дизайн и верстка С. МЫЛТАСОВОЙ.
Корректор В. БУМАГИНА.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят
и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать
с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

